

Милле Мунк

Сага Овердрайв

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=21617034

ISBN 9785448330094

Аннотация

Майя и Юн рождены на печальном острове, затерянном в холодных северных морях. Юн мечтает стать рок-звездой, а Майя – убежать из своего маленького городка. Им суждено встретиться в уставшем от течения времени Мегалополисе, где вскоре свершится предсказанный конец света. В свои последние дни рассыпающееся королевство лжи и тумана, пропитанное древней сагой и разращенное техногенной язвой, готовится принести в жертву кровавым богам инеистого самурая и гейшу в мехах.

Содержание

Предисловие	5
Часть первая. Паук и гитара	7
1	7
2	14
3	20
4	33
5	40
Часть вторая. Поезда и карамель	46
1	46
2	53
3	63
4	70
5	79
Часть третья. Овердрайв и декаданс	86
1	86
2	92
3	101
Конец ознакомительного фрагмента.	108

Сага Овердрайв

Милле Мунк

*Although what you are about to see is a work
of fiction,
it should nevertheless be played at maximum volume!*
Velvet Goldmine

*Comme de longs échos qui de loin se confondent
Dans une ténébreuse et profonde unité,
Vaste comme la nuit et comme la clarté,
Les parfums, les couleurs et les sons se répondent².
Charles Baudelaire. Les fleurs du mal.
Correspondances*

© Милле Мунк, 2016

© Kimberly Corpse, дизайн обложки, 2016

ISBN 978-5-4483-3009-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Предисловие

...Корабль плывет на запад, и темные воды бьются о борт, иссеченный рунами морозных узоров, и ветер поет о забытых воинах, богах и чудовищах на неизвестном языке тем, кто готов слушать это древнее многоголосье; матросы верят, вопреки всему, что в туманной дали – на закате – появится холодный остров и одинокий маяк на утесе, и мачты оставят на палубе тени, когда луч коснется парусов, указывая путь; в свете маяка корабль войдет в бухту, похожую на пасть с тысячью острых рифов-зубов. На холодном острове земля серая и не цветут цветы, цветы только сохнут и тянутся к этой серой земле, и солнце всегда прячется в низких тучах, ампутирующих вершины, – никогда не увидит последнего этажа в высоком доме/никогда не найти пути обратно, а можно только вечность бродить по замкнутому кругу вдоль побережья: от начала к концу и от конца к началу. Там, где только тьма и вечная мерзлота, – глубоко под холодным островом – похоронен предвечный змей, что рождает волны северного моря, – тысячелетиями он пожирает свой хвост, и водовороты крутят сырые туманы вокруг прибрежных камней, и изрезанные фьорды топят внутренности черной водой, и от холода, обреченности и тишины люди на холодном острове живут долго, но, кажется, что и не живут вовсе,

*а только цитируют героев из старых книг и верят
в древних богов – чтобы верить во что-то, чтобы
кому-то подражать...*

Часть первая. Паук и гитара

1

Майя жила в туманном, неподвижном городе на окраине холодного острова. Туман был густой, вязкий, не оставлявший капель дождя на мостовой и солнечных лучей в стеклах; в тумане переплетаются неровные узкие улицы и громоздятся хребты из асимметричных домов с вечно закрытыми окнами (дома старые и дряхлые, давно пережившие своих владельцев, и окна закрыты намертво даже летом, чтобы не впускать туман и не выпускать тепло). Город тонет, как в формалине, в этом тумане: тонут тусклые фонари, вздернутые на сгорбленных столбах по краям разбитых тротуаров, тонут деревья, пойманные в ржавые ограждения, тонут бледные клумбы с мерзлой землей и черными цветами, застывшие перед сбитыми ступенями в мощеных переулках.

Полгода в туманном городе идут дожди, полгода – снегопады; и время тянется невыносимо медленно. Безветренный холод царит по утрам и вечерам; холод – три четверти суток, пустота – четыре четверти, двенадцать месяцев в году, пустота безразличная, неприветливая, сонная. И кажется, не найти места более далекого и одинокого для начала пути, но именно там, в затерянном краю, в безмятежном за-

холустье, на тыльной стороне ладони мира, где осень бесконечно сменяет зиму и все встречает свой конец, – Майя знает, что точку отсчета нужно искать именно там, – начинается эта история.

В туманном городе Майя жила с самого рождения, вот уже семнадцать лет, в старом каменном доме – к нему вела неровная дорожка из скользких плит, дорожка-старуха, выложенная много веков назад каменщиками-мертвецами. Иногда, возвращаясь домой глубокой ночью, Майя представляла, как теряет равновесие, падает на эти скользкие плиты и разбивает свое лицо: тогда камни этой безжизненной мостовой окрасились бы в теплый красный цвет в свете мерцающего фонаря и в туманном и неподвижном городе случилось хотя бы что-нибудь. Но чаще Майя мечтала о том, что однажды она осмелится сбежать по этой неровной дорожке, пройдет ее до самого конца – до того места, где скользкие плиты превращаются в гладкий асфальт; а потом – она осмелится пойти дальше, по шоссе, за тот поворот, за тот холм, за которым она ни разу в жизни не бывала, и отправится в зовущую, пышущую холодным жаром неоновых вывесок даль, где встречаются все дороги, и где копятя все звуки мира, и где бурлит жизнь.

Как-то дождь шел в туманном городе три недели. Майя сидела у окна и смотрела, как в мутное стекло бьется маленький иссиня-черный мотылек. Она впустила его внутрь, и он, заблудившийся и одинокий, долго кружил под потол-

ком ее комнаты, роняя пепельную пыльцу. Майя закрыла глаза и представила себя маленьким черным мотыльком с намокшими крыльями, слепо летящим на свет. А потом – она раздавила этого мотылька пальцем, оставив на обоях маленькое бордовое пятнышко.

Ее холодный громоздкий дом в самом центре окраины мира, с высокими потолками, в котором весь воздух был посвящен люстре и скрипучему дорогому паркету, никогда – даже в детстве – не внушал Майе доверия. Она не испытывала никаких чувств к семье, в которой жила. «Что, если меня подкинули? – часто думала она, наблюдая за повадками своего младшего брата как за конвульсиями мух, умиравших на подоконнике. – Что, если все вокруг смертельно больны, оттого так недоверчивы и сонны?»

Отец казался Майе жалким, несчастным и жестоким, способным лишь на повторение своего ежедневного бытового ритуала: он любил хорошо прожаренные тосты по утрам и звон хрустального графина по вечерам. «...Только для того, моя дорогая, чтобы вернуть вкус к жизни», – так говорил отец, когда Майя заставала его в одиночестве в свете настольной лампы за столом в кабинете. Когда он с тревожной нежностью касался губами стакана и делал глоток, Майя внимательно наблюдала за медленным движением его дряблого подбородка.

Мать Майи была печальна и красива. Длинные пальцы, длинные ноги, длинная шея и пустые бесцветные глаза, кото-

рые она скрывала тушью. Вечерами она расчесывала волосы, сидя на краю дивана в углу комнаты, или, когда приходили гости, слушала разговоры, но никогда сама в них не участвовала – лишь молча улыбалась и, опустив глаза, подавала закуски; тогда все непременно замечали, какие изящные кольца она носила на своих длинных пальцах... У нее, как и у всякой женщины, родившейся и умершей в туманном городе, был свой секрет – особый рецепт вишневого пирога, которым она очень гордилась, поскольку этот рецепт передавался от матери к дочери вот уже несколько поколений. Майя тоже должна была узнать эту тайну в день своего совершеннолетия.

Но Майю не волновали вишневые пироги. Каждый вечер Майя сгребала мертвых мух и мотыльков с подоконника в стеклянную банку, в которой жила Чучу, ее ручной тарантул, и наблюдала за тем, как она работает своими жвалами: «chew, chew». Чучу была уродливым хищником с самого рождения, и ей никогда не приходилось задумываться о собственном предназначении. Майя завидовала Чучу.

Однажды Майя воткнула кухонный нож своему брату между ребер, чтобы проверить, способен ли он что-нибудь чувствовать или может только притворяться и вытирать сопли о спинку дивана. Они оба были тогда на кухне, пока их родители были погружены в светские беседы и обитые бархатом кресла на очередном званом ужине из бесчисленного их множества; и сразу перед тем, как воткнуть кухонный нож

своему брату между ребер, Майя резала этим ножом грейпфрут. Она порезалась, и из пальца брызнула кровь. Нож был острый, легкий и изящный, будто выточенный из зеленой стеклянной люстры в их гостиной. Майя представила, как это будет просто и приятно – как погрузить нож в масло или мармелад. И не смогла удержаться. Лезвие вошло легко, как она и предполагала, во рту у ее брата что-то тихо булькнуло, и он опустился на скрипучий дорогой паркет – тихо, безмолвно и красиво. Майя села на корточки и с интересом наблюдала за тем, как в разрастающейся густой красной лужице тонет размокший листочек мяты.

Потом были дорогие врачи и лекарства: много дорогих разодетых стариков и красивых, ярких таблеток; бледно-зеленые капсулы, розовые, рассыпчатые и круглые, с надписями и без надписей, горькие и сладкие на вкус, оставляющие приятную пустоту в желудке и мыслях, пустоту, которую не хотелось ничем заполнять.

Разноцветные таблетки распускались у нее в животе и вяли, как цветы. Иногда Майе казалось, будто их шипы ранят ее, ядовитым плющом копошатся у нее внутри, и тогда она рвала волосы на голове, и кричала до хрипоты от боли, и ломала ногти, пытаясь вырваться из чьих-то невидимых объятий – рвалась к потолку или в окно, на котором давно уже поставили решетки. А иногда цветы распускались безболезненно и приятно – бутонами разных форм и оттенков, и Майя представляла, что лежит в шелестящей траве, тонет в беско-

нечном туманном поле. В такие моменты ей не хотелось уже ничего: ни сопротивляться давлению стен, ни искать в себе силы для ненависти; она просто опускалась на пол, на скрипучий паркет, по которому босиком бегал еще ее дед, слушала хрипящие стоны и перегруз в своих наушниках, наблюдала сквозь тонкие пальцы за движением люстры на потолке, которая постепенно превращалась в зеленого стеклянноподобного паука и уползала в дальний угол высокого потрескавшегося потолка...

*Toge no haeta kumo ni naritai*³

В комнате с выпотрошенными подушками, мягкими игрушками, расплескавшими свои плюшевые внутренности по кровати, оборванными обоями на старых стенах, прошла ее последняя осень в громоздком родительском доме. Воздух, как простыня, скомкан и спутан, собран в пучок под потолком; в трещинах хрупкая, надколотая горечью скорлупа дней.

Выпал первый снег, и Майя решила наконец сбежать из туманного и неподвижного города. Ночью она собрала свою спортивную сумку, взяла все деньги, что нашла в верхнем ящике отцовского стола, надела новенькие белые кроссовки и вышла на улицу, чтобы никогда уже не вернуться.

³ Я хочу стать ядовитым пауком [яп.]; Dir En Grey – Obscure (в переводе с яп. здесь и далее – отрывки из песен японских музыкальных групп)

Майя никому ничего не сказала, не стала оставлять даже прощальной записки – потому что тогда пришлось бы лгать о своих планах и просить не искать ее, а ложь и унижение Майя ненавидела даже больше пошлости окружающего ее провинциального мира.

2

Майя дошла до заснеженной трассы, села на корточки и принялась ждать машину. Рядом, на обочине, она положила свою сумку и банку с Чучу, которая хоть и была ночным хищником, все же боялась темноты. Рисуя пальцем на снегу, Майя вспомнила детство, когда часто приходила сюда одна, ложилась, раскинув руки, прямо на проезжей части – так, чтобы лопатки касались двух желтых сплошных полос. Маленькая Майя смотрела вверх, в узкий прямоугольник неба, застрявший между шумящими кронами сосен по краям дороги, и могла даже задремать, так и не дождавшись ни одной машины. Если все-таки кто-то начинал спускаться с холма, Майя сначала чувствовала далекую вибрацию от колес, будто Чучу ползала у нее по спине, щекоча кожу своими пушистыми лапками. Она дожидалась момента, когда на нее падал свет дальних фар. Свет был такой яркий, что Майя могла рассмотреть все сплетения вен на своих веках. Она вслушивалась в нарастающий шум от колес, и ее захватывало – в липкий, как деготь, плен – необъяснимое чувство покоя. Майя не спешила подниматься, и вскакивала только в самый последний момент, услышав истеричный визг тормозов.

Когда из тумана появился автомобиль, Майя поднялась и махнула рукой. Водитель моргнул фарами, показывая, что тормозит. Девушка забралась на подножку грузовика, от-

крыла дверь и села, положив сумку на колени. Ей было все равно, куда ехать, и когда водитель тронулся, когда тихо заработали дворники на лобовом стекле, когда заиграло радио и дорога зарябила перед глазами в свете фар, как кино на старом проекторе, Майя закрыла глаза и вновь ощутила то самое чувство, которое испытывала, когда сбегала из дома полежать на проезжей части. Чувство покоя и полного безразличия ко всему, что должно произойти.

Майя держала банку с Чучу в руках. Она сжимала ее своими тонкими пальцами, доставшимися от матери, и Чучу перебирала лапками и скользила по стеклу, пытаясь выбраться. Водитель бросал на девушку странные взгляды. Наконец он не выдержал и спросил, кивнув на банку. Ему было интересно, что это за паук, и Майя ответила, что Чучу – паук-птицеяд. Хотя научного названия на латыни она и сама не знала.

– Так *он* ест птиц?

– Нет. – Майя качнула головой. – *Она* любит насекомых.

Водитель кивнул. Он хотел спросить Майю еще о чем-то, но передумал.

Дальше они ехали в молчании. Водитель то и дело постукивал пальцами по рулю или, заметив что-то на дороге, с улыбкой показывал в ту сторону и следил за реакцией девушки. От него пахло дешевыми крепкими сигаретами, и он уже несколько дней не брился. Майя не проявляла особого интереса к его попыткам привлечь ее внимание. «Может быть, он и не мастурбировал несколько дней подряд», – по-

чему-то подумала Майя.

Грузовик ехал в город. В один из тех завораживающих своей громоздкостью, светом и шумом бетонных городов, о которых Майя слышала так много. Больше плохого, чем хорошего. Больше историй с печальным концом, чем с хэппи-эндом.

Под утро они остановились на пустой заправке, чтобы выпить кофе. Это было одно из тех мест, где всегда ослепительно белый кафельный пол и стерильные столики на металлических ножках, а шоколадные батончики на стеллажах непременно разложены разноцветными этикетками вверх, строго параллельно друг другу.

Они сели за столик в дальнем углу. Из колонок под потолком лилась легкая расслабляющая музыка, но очень тихо – можно было услышать, как шумят люминесцентные лампы. В их ярком свете Майя увидела большие черные синяки под глазами мужчины. Теперь он напоминал ей отца. Сгорбившись и опустив глаза, он сидел за столиком, устало водил пластиковой ложкой по краю картонного стаканчика. «Как жаль, что негде достать поджаристых тостов», – подумала Майя.

Она прошла в туалет, чтобы умыться холодной водой, а когда вернулась, заметила пирожное, завернутое в салфетку, на краю их столика в дальнем углу. Самое дорогое и пошлое из всех, что были на витрине. Майя не стала его есть, а мужчина притворился, что его это не обидело.

На рассвете они продолжили путь. Густой сосновый лес сменился перепаханными полями с линиями электропередач, подмерзшей грязью до самого горизонта – печальный вселенский отшиб, немая седеющая пустошь. Вскоре горизонт начал постепенно подниматься, пениться темно-серыми тонами индустриального пейзажа; за окном поползли невысокие промышленные здания, бесконечные съезды, развязки, глухие, изрисованные граффити и строчками из песен стены, гаражные комплексы и склады...

А потом Майя увидела высотные дома. Они были похожи на соты или на нагромождения керамзитобетонных кубов, грубо склеенных вместе швами, расходящимися на грязных боках. Замелькали неоновые вывески торговых центров и рекламные щиты, за которыми невозможно было разглядеть горизонта.

Грузовик преодолел железнодорожный переезд на окраине города и подъехал к заснеженной станции. Откуда-то доносился грохот отбойного молотка. Водитель открыл дверь и подскочил к Майе на помощь, подав ей руку. Несколько секунд они стояли около большого переднего колеса. Мужчина сделал шаг, чтобы обняться, но Майя помахала ему на прощанье рукой.

Когда грузовик уехал, Майя купила билет на поезд до центрального вокзала и, сверившись с расписанием, решила подождать на улице. Она медленно опустилась на край лавки под большими круглыми часами, висевшими на покосив-

шемся столбике у лестницы перед станцией. Снег тихо опускался на гитарный чехол, лежавший рядом. Майя с интересом разглядывала оставленный кем-то инструмент. «Хорошо быть музыкантом, – подумала Майя, – всегда можно подыграть своему настроению». Ей вдруг захотелось растегнуть чехол и заглянуть внутрь.

Майя аккуратно потянула вниз молнию – из чехла показались блестящие колки и торчащие во все стороны стальные струны, напоминавшие порванную паутину. Она нежно провела по ним пальцем со стершимся черным лаком, вслушиваясь в тихий холодный свист. У Майи было еще десять минут до отправления поезда, и она решила подождать хозяина гитары, чтобы посмотреть на него. Почему-то ей казалось, что играть на такой гитаре мог только красивый человек с длинными пальцами.

На лавку рядом с ней опустилась старушка. Она что-то беспрестанно бормотала себе под нос и жевала булку. Движения ее бесцветных, словно вылепленных из воска губ, напоминали двух спаривающихся слизняков. Майя испуганно выпустила из рук гитару и прижалась к самому краю лавки, боясь быть забрызганной ее ядовитой слюной.

Они просидели молча несколько минут, когда женщина внезапно повернулась к Майе и перестала жевать; ее нижняя челюсть отвисла, и можно было увидеть, как во рту плавают влажные непрожеванные комочки. Она уставилась Майе прямо в глаза, не моргая, не отводя взгляда и ниче-

го не говоря, и только уголки ее морщинистых губ начали медленно подниматься, постепенно превращаясь в гримасу. Вдруг старушка засмеялась хриплым, клокочущим смехом. На губах ее оказалась противная крошка, и она потянулась к Майе, чтобы что-то шепнуть ей на ухо. Майя, не выдержав, тут же вскочила с места, уронив гитару на землю, и инструмент протяжно взвыл от боли, мелочь заметалась по чехлу. На мгновение девушка замерла в нерешительности, а старуха продолжала смеяться, но смех ее стал походить больше на сухой кашель туберкулезника.

– Простите, – вдруг прошептала Майя.

Все происходящее показалось ей сном. Она подняла гитару с земли и, перекинув ее через плечо, побежала по скользким бетонным ступеням к станции. Ее руки дрожали, когда она пробивала билет. Выйдя на пустынную платформу, она прислонилась спиной к железному забору и, сжимая банку с Чучу, несколько секунд пыталась отдышаться. Только придя в себя, Майя поняла, что оставила на лавке под часами свою спортивную сумку.

3

На одиннадцатый день рождения мать подарила Юну его первую гитару, о которой он давно мечтал. Это был подержанный дредноут⁴ цвета «санберст» – цвета солнечных лучей – со звонкими бронзовыми струнами. Когда Юн, сидя на своей раскладушке на кухне, впервые провел рукой по дребезжащим струнам, ему показалось, что он слышит чей-то яростный рык, будто на его коленях лежал непокорный дикий зверь; и тело этого зверя, собранное из деревянных костей и стальных, натянутых до предела мышц, дрожало от его прикосновений.

Юн жил в маленькой однокомнатной квартире со своей матерью. У Юна не было собственной комнаты, он спал на кухне. Там было всего две розетки, одна из которых перегорела, и чтобы подзарядить мобильный телефон, ему приходилось отключать чайник. Если по вечерам Юн хотел зажечь ночник, ему нужно было сдвинуть стол и кровать, чтобы подлезть и выдернуть телефонный шнур.

Когда-то мать жила в комнате с отцом. У них был телевизор, удобная полутороспальная кровать с надувным матрасом и люстра с тремя лампочками – две были желтыми, и одна белой, энергосберегающей. «Санберст», – так про се-

⁴ Акустическая гитара с увеличенным корпусом и узким грифом; обладает повышенной громкостью и преобладанием низких частот в тембре.

бя называл эту люстру маленький Юн, которому очень понравилось это слово.

В тот день, когда ушел отец, Юн играл на гитаре блюз, сидя на своей раскладушке на кухне. Он заряжал телефон, ночник был включен, и маленький черный мотылек пытался выбраться из ловушки плафона. Юн слышал ссору родителей за стеной и боялся перестать играть, как будто тогда они смогли бы услышать его, еще больше разозлиться из-за его присутствия, заподозрить его в том, что он подслушивает. Юна это злило. Мать заплакала, когда что-то вдруг с силой ударило о старый деревянный шкаф, в котором они хранили за стеклом, как в музее, все эти фарфоровые статуэтки, привезенные с моря ракушки и недожженные свечи с далекого праздника. Юн слышал, как с полки упала и разбилась его копилка с мелочью. Монеты рассыпались и с оглушительным звоном разбежались по разным углам.

Юн сменил тональность, в приступе гнева ударил по струнам, и те жалобно взвыли. Не дав им опомниться, Юн ударил по ним еще раз, взяв новый аккорд. Потом – еще и еще. Он высекал из своей гитары звуки с такой силой, что вот-вот на линолеум должны были посыпаться искры; и его дикий, рычащий санберстовым пламенем непокорный тигр выгибал спину и показывал клыки, готовясь к прыжку.

Haamerun no fuefuki wa dare?

Юну очень хотелось посмотреть, что происходит за дверью, но ему казалось, что если он перестанет играть, даст себе хоть одно мгновение на передышку, то все окончательно и непоправимо сломается, утонет в невыносимом болоте тишины.

«Как было бы здорово, если бы сейчас кто-нибудь позвонил, и веселый женский голос ведущей вечерней радиопередачи сказал вдруг, что они только что выиграли в лотерею, – подумал Юн. – Мама подняла бы трубку и переспросила, не веря своим ушам. А потом тихо позвала бы папу к телефону, чтобы он послушал тоже. И тогда, конечно же, все бы снова стало хорошо. Нет, даже лучше, чем раньше! Мы бы переехали в большой дом на берегу реки, а у меня наконец появилась бы своя комната». И вдруг Юн перестал играть, вспомнив о том, что телефон был отключен, и никто не смог бы дозвониться, пока на кухне горит ночник. Он тут же бросил гитару на кровать и полез вниз, чтобы поскорее вставить телефонный шнур на место. Сначала погас свет лампы, мотылек перестал биться о плафон, и в опустившейся темноте Юн долго не мог прицелиться, чтобы попасть штекером в розетку.

Но входная дверь хлопнула, и в тот вечер с радиостанции

⁵ Чьи уста касаются серебряной флейты Гамельнского крысолова? Чье дитя надрывается волчьим криком? [яп.]; MUCC – Libra

никто не позвонил.

«Я перестал играть, в этом все дело, – подумал Юн. – Я положил гитару и все тут же испортилось». С тех пор Юн старался не выпускать гитару из рук. Он почти перестал уделять внимание учебе и выходить на улицу; стал играть по несколько часов в день, полностью замыкаясь в себе и концентрируясь на поиске идеального звука, который он представлял похожим на свист самурайского меча, освобожденного из ножен и оставляющего за собой ярко-красный огненный след, как в японских мультиках, – тот единственный и естественно точный удар в самое сердце, после которого враг падает замертво, и кровь брызжет алым фонтаном в разные стороны.

У Юна был вспыльчивый характер, *bernska er bráðgeð*⁶; и однажды он подрался в туалете с одним спортсменом из параллельного класса, который намеренно задел его гитару в коридоре и позволил себе ухмыльнуться. Он был красавчиком самого отвратительного типа – смазливый и знающим о своей смазливости, похожим на пластмассового Кена. Кен был любимчиком не только у девчонок, но и у учителей, потому что всегда дарил самые дорогие подарки. После праздников он первым входил в класс с огромным букетом белых роз – цвета чистоты и невинности – и мило улыбался.

В тот день в туалете Кен не был таким милым. После не слишком сильного, но быстрого удара Юна он неудачно

⁶ *Bernska er bráðgeð* [исл.] – горяча юность.

поскользнулся на плитке и ударился подбородком о раковину.

– Ты мне запфлатишшь! – прошипел Кен, ползая по полу в поисках обломка своего зуба, словно выточенного из белого мрамора.

И пока Кен стоял на коленях, повернувшись к Юну спиной и роняя соплю на плитку, Юн представлял, как его пластмассовое лицо деформировалось и вдавилось внутрь полого пластмассового черепа, и что теперь придется надавить ему на виски с двух сторон, чтобы придать его голове прежнюю форму. Представляя это, Юн не смог сдержать улыбку.

Юна вызвали к школьному психологу. Скрестив пальцы, бледная женщина с большими круглыми очками на носу смотрела Юну прямо в глаза. Ее волосы были убраны в пучок, от нее пахло супом из школьной столовой и у нее, вероятно, была своя, не слишком оригинальная, но проверенная «методика» из какой-нибудь брошюры или старой книги с желтыми страницами, которые Юн бы с удовольствием вырвал, скрутил в косяки и скурил. «У нее определённо должна быть эта чертова методика, – думал Юн, – чтобы заниматься „психологической диагностикой“ или „коррекционной работой“ – всей этой чепухой, – иначе с чего бы она была так холодна и спокойна, словно знает обо всем наперед?»

Женщина начала задавать мальчику самые нелепые вопросы, на которые Юн – обычно неразговорчивый и замкнутый – отвечал охотно, но и не скрывая улыбки, будто давал

интервью на камеру:

– Сбегал ли я из дома? Я сбегал из дома дважды, и еще один раз – из деревни, вместе с дедушкой. Мы тогда заранее все спланировали: нарисовали карту, рассчитали время и маршруты движения автобусов и электричек. Дед называл наш побег «походом», но я сразу понял, что назад мы уже не вернемся. Прибьемся к бродячему цирку, будем играть минорный блюз на лодочных станциях – он на гармошке, а я на гитаре. Будем разбивать лагерь и ночевать у костра на привалах посреди густых лесов... А однажды, когда дедушка поймет, что его время пришло, мы поднимемся на высокий холм, где я похороню его со всеми надлежащими почестями, как главу индейского племени. Мне тогда было шесть, а теперь – четырнадцать. К сожалению, наш побег не удался, нас поймала бабушка. Что я об этом думаю? Думаю, что она вскоре умерла, а дед, кажется, все еще жив.

Женщина задумчиво записывала что-то в своей тетрадке и кивала с видом, от которого всякий бы решил, что с ним что-то не в порядке, что он, вероятно, душевнобольной; а Юн продолжал, развязно развалившись на стуле с одной короткой ножкой:

– Вы хотите поговорить о моем отце? Раз уж вы спросили, я рад, что он ушел, хотя иногда я чувствую себя виноватым. Знаете, в детстве я жег лупой муравьев. И мне это нравилось. Еще – хотите послушать? – мне иногда снились потроха свиной, гниющие и вонючие потроха, вываливающиеся из под-

вешенных под потолком на ржавых крюках туш; и мотыльки, черные мотыльки, питающиеся кровью, заблудившиеся во тьме и бесконечно печальные – они никак не могли выбраться из своих мутных плафонов, где им суждено было гадить и доживать отведенный им один единственный день... Что там еще? Кажется, моя первая эрекция случилась в начальной школе. – Юн внезапно ударил ладонью по столу, отчего на лбу у психолога выступила капля пота, а мальчик едва сдержался, чтобы не рассмеяться ей прямо в лицо. – Никто не избежит того, что ему предназначено!⁷ Я был счастлив, когда избил того парня, похожего на пластмассовую игрушку, того говнюка, что положил свои зубы на раковину! Да, это я был тем, кто их выбил! Скажите мне, доктор, я болен? Что со мной не так? Как-то Кен увидел, что я пью джин под рябиной за спортивной площадкой, но он не хотел выпить со мной – нет, он хотел, чтобы я страдал. Он все никак не мог решить, будет ли он меня шантажировать или обо всем расскажет, чтобы я сидел тут перед вами и нюхал этот запах супа, от которого – хотя против вас я ничего не имею! – блевать тянет. Он хотел, чтобы я раскаялся. В чем? В своей печали? Так кто из нас двоих по-настоящему болен? Может быть, это я – правда, на всю голову, до самой последней клеточки своего тела в вонючем паху... отчего же вы хмуритесь? Простите, я закурю, если вы не против. Я хотел бросить, но ничего не могу с собой поделаться. Болен... да, я со-

⁷ Má enginn renna undan því sem honum er skarað [исл.] – исландская поговорка.

гласен быть – вернее, я *хочу* быть душевнобольным. И я хочу быть печальным и пьяным – пусть я пью мало, пусть мне всего четырнадцать, – лучше все же быть печальным пьяным, чем печальным и трезвым. Как это печально – быть печальным и трезвым, вы не находите? Пусть между нами стена из возраста и взглядов, но, в конце концов, я смотрю на вас такими же глазами, что и вы на меня; пусть у вас зеленые глаза, а у меня голубые... Я где-то слышал, что красота спасет мир, а красота – это искусство. Я не хвалюсь. Как вы считаете, доктор, спасет ли нас с вами красота? А если не спасет – что с нами будет?

Женщина поправляла запотевшие очки и растерянно – запинаясь – говорила, следуя своей методике, которая не подразумевала диалога:

– Не паясничай, положи сигарету. Я здесь не для того, чтобы лечить тебя или осуждать. Я только хочу помочь, попытаться понять тебя. Скажи, кем ты хочешь стать в будущем?

«И ради этого стоило напяливать очки?» – думал Юн. И отвечал, не задумываясь:

– Я стану рок-звездой!

Вскоре за Юном закрепилось прозвище «*Больной*». Когда он входил в класс, девочки перешептывались, а его бывшие приятели крутили пальцами у виска. Никто больше не хотел разговаривать с Юном. Его же это не волновало, он был даже рад тому, что все оставили его в покое. Теперь он мог позволить себе любую выходку: например, встать из-за парты

посреди урока, если ему вдруг стало скучно, и в гробовом молчании выйти из класса – пойти домой и играть на гитаре.

Постепенно неконтролируемые вспышки ярости Юна стали случаться все чаще – чем дольше ему приходилось расставаться со своим инструментом, тем проще он приходил в бешенство. Он стал нервным, раздражительным, грубым, считая время вне репетиций – потерянным, потраченным впустую. Однажды Юн избил парня до полусмерти только за то, что тот странно посмотрел на него во время эстафеты на спортивной площадке. Тогда Юн сошел с дистанции и полез прямо на трибуну, потащил парня за ноги и бросил на землю, навалился на него сверху и начал избивать. Их едва удалось растащить. Еще одного, обозвавшего его за спиной, Юн столкнул с лестницы – не потому, что это его оскорбило, но потому, что это не было сказано ему в лицо.

В голове Юна поселился рычащий искрами, задыхающийся дымом огненный тигр, которого мучал постоянный голод. Постепенно он занял все мысли, заставляя Юна искать тот звук, похожий на взмах самурайского меча. Звук, который не давал ему покоя, держал на цепи, душил и связывал руки; звук, который он никак не мог найти, хотя тот все время был рядом, прятался где-то в тени, звал его. Юн был в бешенстве. Только тяжело дыша, склонившись над телом очередного втоптанного в грязь и корчащегося от боли обидчика, вслушиваясь в его стоны, в собственное учащенное дыхание и биение сердца, вдыхая сладковатый вкус крови, Юн чув-

ствовал себя – пусть ненадолго – свободным и совершенно пустым. «Пусть тигры не водятся на севере, но в моей душе все же поселился зверь; словно заблудившийся *Они*⁸, он был привезен, вероятно, на корабле из-за горизонта, где восходит солнце; но лучи не добираются до наших холодных краев, и от этого недостатка тепла, от этого бессмертного ветра, должно быть, мой зверь так зол и печален».

Когда Юну исполнилось семнадцать, девочки, которые недавно называли его «больным» и «сумасшедшим», внезапно стали его хотеть. Хотеть его молчаливость, ставшую вдруг таинственной, его противоречивость и бунт, его внезапные истерики и жестокость; всю его вспыльчивость, превратившуюся в отражении больших зеленых глаз в пошлую – нет, не «сентиментальность», – чувственность. Они готовы были прощать ему даже его невыносимое самомнение и чуть вздернутый нос за один лишь взгляд; и они смотрели ему в глаза и испуганно отводили свои сразу же, стоило Юну посмотреть в ответ. Как заведенные механический обезьянки, они принимались гладить кончики своих длинных крашенных волос своими длинными крашеными ногтями, перешептываясь, румянясь и нервно смеясь.

Юн внезапно понял, что за красоту могут простить многое, почти все. И от осознания собственной красоты, которой он не хотел, Юну стало страшно. Его начало мутить от этих взглядов и «случайных» неслучайных касаний в ко-

⁸ Они [яп.] – демон в японской мифологии.

ридорах, от поворотов в классах, коротких юбок и переплетенных – для него одного – ног. Юн боялся превратиться в Кена. Поэтому Юн втайне стал мечтать о татуировке на своем лице – чтобы спрятаться за ней, чтобы снова стать ненормальным, больным; чтобы все вновь оставили его в покое вместе с его гневом, печалью и шестью струнами за спиной. Юн мечтал о татуировке на своем лице, но никак не мог выбрать символ, который обезобразил бы его, вместе с тем привнеся в его жизнь какой-то смысл.

Перейдя в выпускной класс, он не вышел на занятия, закрылся в четырех стенах своей кухни с трупами мотыльков в плафоне. И уже в конце сентября его, надоевшего всем хулигана, дважды проигнорировавшего оба самых последних предупреждения, отчислили из школы; и все его бывшие одноклассники, и учителя, наверное, вздохнули чуть свободней.

В день, когда Юн уходил, ему выдали листок и ручку, чтобы он написал пару строк о том, чем он планирует заниматься дальше, и поставил свою подпись. Юн, недолго думая, написал «пару строк»:

*«Ну ладно, пока.
Мне – в облака».*

И на этом поставил точку.

Он устроился на работу – грузчиком на склад мебели –

и, скопив за три недели немного денег, купил не самую дорогую, но довольно хорошую полуакустическую гитару Greg Bennett. К тому времени он, самоучка, на слух освоил большинство из самых сложных приемов игры, но так и не нашел своего идеального звука.

Ночью, когда выпал первый снег, Юну впервые за долгое время приснился странный сон: в этом сне он убил свою мать. Встав на колени перед духовкой, она долго гремела посудой, пока Юн с отвращением изучал ее жидкие седые волосы на затылке. Дверь на лестничную клетку была открыта: вероятно, мать попросила его выбросить мусор, пока искала подходящую посудину для птицы. Пахло куревом и было слышно, как кто-то этажом выше или ниже гремит крышкой мусоропровода. У Юна в руке было нечто тяжелое – в этом не было сомнений, потому что во время удара звук был глухой. Юна удивило, что звук этот был совсем не музыкальный, не такой, каким он себе представлял – а уродливый и одинокий, наполненный бытом и грохотом крышки мусоропровода. Звук, мгновенно поглощенный включенной вытяжкой. В произошедшем не было ни капли драматизма. На плите варилась картошка, пар из кастрюли поднимался к потолку. «Должно быть, это всего лишь сон», – решил Юн. И проснулся в холодном поту.

Тем же вечером Юн собрался в дорогу. Он решил, что больше не может оставаться на месте, гнить в глухой каменной клетке своего спального района, тратить попусту время,

иначе рано или поздно сойдет с ума. Огненный тигр кусал его за пятки, рычал и рвался наружу – и Юн слышал отголоски его глухого гнева, вынашивал его в самом своем сердце, поддерживал пламя, чтобы однажды выплеснуть его вместе с визгом порвавшейся струны под гул обезумевшей толпы, выкрикивающей его имя.

Юн решил поехать в большой город, чтобы найти группу. С собой он взял гитару, пачку сигарет, сменное белье, немного денег; а еще сгреб трупы черных мотыльков из плафона и ссыпал их в спичечный коробок – чтобы помнить о том, кто он есть на самом деле: уродливый, одинокий, беспомощный и печальный Юн с непридуманным символом на лице; стоит ему убрать пальцы со струн – и свет навсегда погаснет.

Мать провожала Юна со слезами на глазах. Она уже не пыталась отговорить его, только умоляла быть осторожней, просила не ввязываться в драки. И Юн в последний раз обнял ее в дверях, скрестив у нее за спиной свои разбитые кулаки.

Юн опоздал на последнюю электричку, но решил не возвращаться домой. В ожидании первого утреннего поезда он заснул прямо на станции, напившись до беспамятства паленым «джеком»⁹, купленным у молчаливого норвежца¹⁰; он торговал из багажника своей старой «тойоты», припаркованной рядом с подземным переходом, алкоголем и канистрами с ярко-синим автомобильным антифризом.

Юн лег на холодную алюминиевую лавку, укрылся своим тонким плащом и еще долго не мог заснуть, наблюдая за тем, как кружит за большим стеклом снег – чистый и мягкий, похожий на больничную вату. Ветер, продувавший станцию насквозь, – от входных дверей до выхода у турникетов, – печально пинал смятую пивную банку по бетонному полу. «Печальным и пьяным», – повторил Юн про себя, словно молитву.

Открыв утром глаза, он, разбитый похмельем и неясной усталостью, в темноте ввалился в прокуренный тамбур первой электрички, прислонился к дальней двери с надписью «не прислоняться» и, скинув с плеча гитару, потерянно уставился в мелькающий за окном пейзаж. Вдоль путей растяну-

⁹ Виски Jack Daniel's

¹⁰ austmađr [исл.] – норвежец (букв. «человек с востока», т. е. из континентальной Скандинавии)

лись бесконечные заборы и оставленные умирать, словно выброшенные на берег бурые левиафаны, товарные вагоны. Юн потягивал из бутылки, наряженной в пакет, остатки вчерашнего вонючего виски и вслушивался в монотонный грохот колес; и пьяный тигр в его голове озадаченно бродил кругами по клетке.

На рассвете Юн сошел на пустой заснеженной станции, так и не доехав до центра города, чтобы как следует пролелеяться. Чехол на отвисшем растянутом ремне бил ему по ногам, скрежет подходящего к станции поезда скользил ржавым гвоздем по мутному стеклу его рассыпанных мыслей. С трудом сохраняя равновесие, Юн спустился по скользким ступеням разбитой лестницы, растерянно прислонил мешавшую движениям гитару к покосившемуся столбу с круглыми часами, и, сойдя с дороги, направился к дальнему забору. Юн обошел платформу и оперся рукой о стену; его вырвало, и на белом снегу осталась теплая разноцветная масса, обещавшая вскоре стать пищей для бродячих псов.

После этого Юн отошел на несколько шагов и опустил-ся в снег, прислонившись спиной к стене. Он достал сигарету и закурил. В туманной дымке на горизонте – над дальней магистралью – поднималось хрупкое солнце. Мимо станции с шумом пронесся экспресс, окатив Юна снопом ледяных искр и метнув в небо пепел с его сигареты. «Я сижу в сугробе на окраине города, который скоро поставлю на колени», – сказал себе Юн и, уставившись на лужу присыпанной

снегом собственной блевотины, ухмыльнулся.

Докурив, он поднялся на ноги, и вдруг услышал за спиной зовущий его голос. Юн обернулся и увидел, как из-за бетонных станционных плит торопливо выползал попрошайка в военной форме. У него не было ног, но он умело двигался по рыхлому снегу спиной вперед, перемещал вес тела на руках и подтаскивал за собой грубую доску с колесами, привязанную веревкой к руке.

Юн не собирался дожидаться, пока калека доползет до него. Юн знал таких – обрубленных по пояс, но не бывавших ни на одной войне, добровольно принесших себя в жертву и самостоятельно исполнивших приговор; возложившие руки на алтарь, посвятившие себя ритуалу дезоморфина – присягнувшие в верности кровавому богу с черными глазами и крокодильей челюстью, питающегося гниющей плотью и отрывающего конечности. Поставь подпись мутной кровью, разбавленной пополам с чернилами в шприце, и Крокодил¹¹ сожрет твое тело, которое ты однажды одолжил ему взамен избавления от депрессии – уже не успел оглянуться, как заложил и перезаложил, – но так и не спасся. И теперь ты его раб, живой труп со следами гангрены, ставишься в пах. Посмейся теперь над гнусавым голосом персонажа из «Южного Парка»: «Наркотики – это плохо, понятненько?»; поплачь теперь над концовкой «Реквиема по мечте» или вспом-

¹¹ Кустарно изготовленный наркотик, получивший неформальное название «крокодил».

ни, как было в той песне: «Что я знал о джанке? Джаз фанк? Джанк – это я! Я – это джанк!»

Юн сплюнул под ноги и, все еще немного пошатываясь, побрел обратно к станции, когда попрошайка заверещал ему вслед и попытался ускориться. Он догнал Юна, и Юн почувствовал сильный запах, увидел переломанный нос и гниющие зубы в причитающем рту. «Одно из тех существ, что город поставил на колени, с которых они уже никогда не встанут».

Джанки просил «на хлеб», и Юн, поняв, что тот не отстанет, кинул ему «на бутылку». Монеты беззвучно упали в сугроб, а одна покатила по склону и исчезла в темноте под станционными плитами. Попрошайка печально проследил ее путь и внезапно рассвирепел.

– Ты специально! Я что, по-твоему, животное? Я что, нуждаюсь в твоём одолжении? – прошипел он и вцепился своими зелеными ногтями Юну в ногу. – Хочешь, чтобы я ползал по земле и подбирал монетки? Тебя бы это повеселило, вижу! Ты был бы счастлив, озлобленный гопник со слащавой рожей педераста!

– Отпусти меня, – холодно сказал Юн.

– Что, неприятно? – усмехнулся калека. – Думаешь, ты лучше меня?

Он крепче сжал скрюченные пальцы, мертвой хваткой вцепился в щиколотки. Тигр в голове Юна показал пасть, полную острых зубов. Юн сжал руку в кулак, обвив меж-

ду пальцев цепь от брелока ключей, и со всей силы опустил его на голову попрошайки, отчего тот взвыл от боли и упал в снег, схватившись за рассеченный лоб. Мимо пронесся очередной поезд. К окну одного из вагонов прилип толстый мальчик с леденцом за щекой – он с интересом уставился на арену, обгаренную свежей кровью, со своей стремительно уносящейся прочь трибуны.

Юн снова замахнулся для удара. Grimаса боли на лице калеки постепенно начала растворяться в беззубой улыбке. Вдруг он начал прерывисто хохотать, захлебываясь леденящим воздухом. Дергающийся на снегу, будто в припадке, он напоминал рыбу, брошенную на землю.

– Ты правда думаешь, что лучше меня? – бормотал старик сквозь смех, пытаясь подняться на руках, окрашивая снег вокруг своей темной густой кровью. – Ненадолго, я говорю – ненадолго! Я смотрю на тебя теми же глазами, что и ты смотришь на меня, слышишь? А они, они – только и ждут, чтобы впиться тебе в глотку, да, ночью или днем, неважно! *Они* повсюду, выглядывают из каждого общественного сортира, где с тебя спросят денег, чтобы помочиться; и таятся в тенях у дороги, и в каждой забегаловке, в которую ты зайдешь, чтобы забыться – они найдут тебя повсюду, чтобы напомнить тебе о твоём месте!

Попрошайка поднял в воздух свой морщинистый палец. Взгляд Юна прояснился. Он пришел в себя и опустил руку. «Бродяга выжил из ума», – подумал Юн. Развернулся

и, оставив калеку лежать на снегу, побрел к дороге. Юн торопился, и ноги его подкашивались так, что по пути он несколько раз едва не упал.

– Знаешь, где твое место? Бродячий пес, feilan¹²! – доносило ему вслед. – Это сейчас ты молод, юн, а завтра они найдут тебя – точно найдут, они это умеют! Они тебя отыщут и попортят тебе кровь, да, попортят! О, ты тоже касался их крыльев, вдыхал их иссиня-черную пыльцу, я знаю! Они подарят тебе силу и отберут время, они много обещают, но потом отберут все до капли. Сегодня ты на коне, а завтра – на свалке! Всегда, и без исключений. Это все мотыльки, они питаются твоим нутром! Ты кормишь их, а они выращивают потомство в твоём животе, а потом – улетают в поисках новой жертвы, оставляют тебя одного, ни с чем; совсем-совсем пусто внутри, совсем-совсем черно... Эй, парень, стой! Куда же ты? Вот ведь снегу навалило – и все за один день...

Юн старался не слушать его вопли. «Проспиртованная мумия, безногий беглец из пропитого кельтского племени», – бормотал Юн себе под нос. Выйдя на дорогу, ступив на твердый асфальт, он вдруг понял, что уже совершенно трезв. Юн отряхнулся и направился к станции, к столбу с круглыми часами. По пути достал сигарету и долго пытался раскурить ее на холодном ветру. Солнце уже поднялось и плыло в темно-сером дыму красно-белых промышленных

¹² feilan [кельтск.] – волчонок.

труб.

Когда на конце сигареты засветился огонек, Юн поднял глаза и увидел, что его гитара исчезла. На лавке под часами лежала только чья-то спортивная сумка.

«Добро пожаловать в *Мегаполис!*¹³ – подумал Юн и затаился, запрокинув голову. – Герой теряет свой меч в самом начале саги».

¹³ Безымянный город, столица неназванной северной страны; земля холодная и пустынная, вырванная из Восточной Европы и выброшенная в море; тело древнего левиафана, истекающее кровью у берегов Исландии. 61°46'43.1"N 16°41'24.5»W

Весь день Майя гуляла по центру города с гитарой за спиной. Прыгала по скользким от подтаявшего снега камням площадей, плыла в людском потоке по шумным проспектам и скрывалась в тенистых аллеях и узких переулках. Безликие манекены в витринах бутиков снимали перед Майей модные шляпки и махали беспальными пластмассовыми руками с блестящими сумочками на локтях, и Майя отвечала им легкой улыбкой.

Майя кружилась в вихре огней большого города, они околдовывали ее, сводили с ума, звали за собой ароматами дорогих – немислимо дорогих и тонких – духов; гипнотизировали иллюзией вседозволенности и миражом такой близкой – дотронься и рухнет, – красивой, изящной жизни. Здесь все было совсем не так, как в ее родном городе – туманном, затерявшемся на грани времен, молчаливом и скучном. Нет, жизнь была здесь кровавым фонтаном, лилась реками изобилия с рекламных плакатов, кричала в уши расслабляющей мелодией в стеклянных лифтах торговых центров.

Майя остановилась на перекрестке в ожидании зеленого света, раскинула руки и закрыла глаза. С неба медленно опускался чистый белый снег, и Майя ловила снежинки самым кончиком своего проколотого языка, на котором блестел в свете неоновых вывесок маленький металличе-

ский шарик – холодный, как кусочек льда, растворившийся в безумном многоцветном коктейле. И в этот миг Майя верила в то обещанное ей городом бесформенное чудо; оно маячило где-то впереди – пусть далеко, но все-таки существующее, настоящее, то самое, сказочное чудо, которое можно потрогать или заказать в ресторане на самой вершине небоскреба, где тебе обязательно подадут его горячим на большой невесомой тарелке. Чудо, ради которого можно было бы проделать весь путь и претерпеть все тернии, всю боль и всю тщетность, что даже страшнее всяких терний и всякой боли. «Чего же я хочу? – спросила себя Майя и открыла глаза. – Что может дать мне этот город? И что он попросит от меня взамен?»

Юн шел вдоль путей – в сторону центра, прочь от окраины. Юн еще не знал, что ждет его впереди, где он будет ночевать, что он будет делать без своей гитары и как найдет другую, чтобы свет не погас. Ему было известно только направление, заданное двумя стальными канатами, убегающими вдаль. Не шесть натянутых струн, но уже что-то. Направление простое и трезвое – для начала, чтобы сконцентрироваться на пути, чтобы хотя бы иметь ясную цель. И Юн решил, что пойдет пешком, чтобы не быть запертым в душном тамбуре, в клетке, один на один со своим голодным тигром. Ведь если над пропастью натянут канат, думал Юн, и он перед тобой, то нужно идти по нему смело, без страховки и с закрытыми глазами – обязательно с закрытыми глазами, иначе

можно оступиться. И не думать о будущем, а переставлять ноги, упрямо и безо всякого скрытого смысла.

Впереди показался быстро приближающийся скоростной поезд, канаты задрожали, и тигр зарычал Юну в ухо: «Прыгай!» Юн замер в нерешительности. Поезд подал протяжный гудок. «Давай! Давай!» – рычал голодный тигр в его голове. *Если рвется под кожей зверь – значит, все для него теперь*; тигр вонзил свои когти Юну в спину, и Юн взбежал по насыпи, поскользываясь на осыпающейся гальке, и под визг тормозов рухнул в бездну между натянутыми до предела стальными канатами ровно в тот момент, когда поезд пролетел у него над головой. Юн лежал с закрытыми глазами, лицом вниз, закрыв уши руками, пока над ним гремел оглушающий зверь, и Юн кричал до хрипоты, пытаясь перекричать его. «Слушай этот звук! – рычал тигр. – Слушай его! Слушай и запоминай!» Поезд умчался вдаль, в сторону окраины. В оглушающей тишине Юн пролежал еще несколько секунд, а потом поднялся на колени и засмеялся.

Майя решила зайти в бар с самой красивой, по ее мнению, вывеской в городе. Она нашла такой бар в одном длинном узком переулке, убегающем от центральной площади. «Пусть у меня нет денег, – думала Майя, – но я не стану отказывать себе по крайней мере в эстетике». Заведение называлось «Кроличья Нора», и оно находилось на подвальном этаже старого жилого дома. Майя открыла черные, чуть скошенные двери и начала спускаться по ступеням вниз, с ин-

тересом разглядывая в полутьме граффити на неровных стенах: битые фарфоровые чашки, рассыпанные карты, летающие шляпы с яркими лентами и широкие улыбки исчезающих котов.

Майя оказалась в небольшом зале, освещенном причудливыми люстрами в форме корней деревьев, свешивающихся с низкого потолка. Она забралась на высокий, художественно перекошенный стул перед барной стойкой, поставила сверху банку с Чучу и осторожно прислонила к стулу гитару. Попросила стакан воды. Бармен нахмурился, но ничего не сказал. Он повернулся к кривому шкафчику за спиной, а Майя принялась разглядывать декор. Было всего четыре часа, вечер только начинался, и посетителей, кроме нее, было немного.

Оглядевшись, Майя перевела взгляд на маленький телевизор с выпуклым экраном, «запутавшийся» в корнях одной из ламп прямо над стойкой. Телевизор рябил и тихо выплевывал шумящее бормотание – ведущие передачи обсуждали поступок какого-то модного художника: облившись бензином, он поджег себя на крыше заброшенного небоскреба в центре промышленной зоны, а затем бросился вниз. Женщине из зала передали микрофон, и она принялась кричать, что это здание – «рассадник зла», «человеческий муравейник» и «обитель отбросов» – давно пора бы снести; ее слова были поддержаны бурными аплодисментами.

Майя отвлеклась от экрана, когда на бумажную салфетку

опустился стакан с ледяной водой. Она потянулась к нему пальцами, чтобы сделать глоток, но внезапно чья-то рука в черной перчатке положила на стойку прямо перед ней серебристую визитку. Майя не сразу поняла, что визитка предназначена ей. Подняв глаза, она успела увидеть только широкую спину удаляющегося мужчины – в полутьме он застегивал свое пальто, направляясь к дверям. Майя удивленно смотрела ему вслед. Поднявшись на несколько ступеней, мужчина остановился, чтобы поправить длинный вязаный шарф. Он обернулся, и Майе показалось, что в этот момент он слегка кивнул ей. Когда двери захлопнулись, Майя подняла визитку со стола и прочитала надпись, выведенную красивым рукописным шрифтом.

К вечеру Юн добрался до строящейся эстакады над железной дорогой. Стремительно темнело, и ему, уставшему шагать по рассыпчатой гальке, захотелось, наконец, сойти с путей. Юн свернул в сторону холма, ориентируясь на высотку, маячившую вдалеке, но, едва начав взбираться по крутому склону, вдруг остановился – ему показалось, что на вершине скользнул чей-то силуэт. Маленькая девочка с длинными черными волосами и с лезвием во рту, с запекшейся кровью под обломанными, искусанными ногтями, бегущая босиком по тонкой снежной простыне; она бросила взгляд на Юна и скрылась под мостом. Юн крикнул ей вслед и быстро полез по склону, но по пути упал и разодрал колени. Поднявшись наверх, он уперся в высокий железный забор и огля-

делся, но девочка уже исчезла в сгущавшемся сумраке. «Может быть, ее и не было вовсе, может быть, это тень моего заветного звука, что ведет меня за собой, – подумал Юн. – Или я просто схожу с ума?»

Юн решил перелезть через забор и посмотреть, что за ним, – для этого подтащил неустойчивую ржавую бочку и, подтянувшись на руках, оказался на другой стороне. Когда он спрыгнул на землю, его встретил звон цепей и лай собак.

Юн закурил и огляделся. Он догадался, что попал на территорию большого гаражного комплекса в промышленной зоне города. Земля автомобилей. От ярости и страха надрывались сторожевые псы, вдалеке гремел поезд, в будке охраны горел свет и громко кричал телевизор. Юн закрыл глаза, вслушался – сквозь хаос звуков до него донесся глухой, едва различимый ритмический узор ударной установки. Юн медленно пошел вдоль длинной кирпичной стены с чередой однотипных железных ворот, ориентируясь на звук, чувствуя вибрации от сильных долей под подошвами своих истоптанных кедров.

Вскоре он дошел до места, где стена делала резкий поворот, и, заглянув за угол, увидел тонкую полоску света, просачивающуюся сквозь щель под помятыми гаражными воротами в дальнем конце нагромождения бетонных ячеек. Оттуда же доносился звук барабанов. Юн затушил сигарету и направился к свету.

Часть вторая. Поезда и карамель

1

Когда сошел первый октябрьский снег, заблудившийся и недолгий, как память черного мотылька; растаяв и растекшись по водопроводным люкам, еще – по ямам в асфальте, вырытым, казалось, специально для луж, Мегаполис погрузился в грязное и сырое беспамятство поздней осени. День становился все короче, и в сгущающихся над городом тенях бродили печальные люди, облаченные в черные одежды; копошились на станциях метро, топтались на автобусных остановках, толкались на улицах под своими черными зонтами. Да, повсюду – царство осени. Морозящие дожди, с острыми, как иголки, каплями; черные зонты, как бронежилеты, и черные ботинки с большими каплями на носках; носки промокшие, посмотри, на ковер натекло; и все вокруг спят, и хочется плакать почему-то; мокрый асфальт и мокрый кашель; неприятные сонные люди – не касайся, не трогай, убьют! – потирают руки, и пар изо рта, а глаза пустые; скройся – только не вскройся – от невыносимой осени под навесом магазинов; сдавшись и обессилив, но все-таки поднимаясь утром – и в черную хмарь; хмуро, понуро возвращаясь из той же хмари тем же вечером; только вылез – и снова в болото; до встре-

чи, после кровати и теплого душа; душа плачет – безо всякой причины и без всякого смысла; а – знаешь ли? – под хмурым небом ничего не случится, конечно, как всегда; только что-то тихо стучится в груди... «Погоди! – говорила себе Майя, открывая утром глаза. – Не сдавайся, не опускай руки, это всего лишь осень, ничего еще не кончено, все только вот-вот начнется! Пусть все идет своим чередом. Только оставь в покое, чтобы не грустить лишний раз, занавески – спрячься, мокрая тьма за окном».

Майя нашла работу в маленькой кофейне-кондитерской – все же ближе к окраине, чем к центру, – в жилом массиве недалеко от железнодорожного переезда. Над входной дверью висела розовая вывеска: «Королевство Розового Единорога!» Именно так, с восклицательным знаком. «Это, конечно, не тот милый бар, что я видела в центре, – думала Майя, – но все-таки лучше ужасного громоздкого дома на краю вселенной, откуда я сбежала».

В кофейне, рядом с меню над кассой, висела табличка с расписанием движения электричек. Когда мимо окон с приторно-розовыми занавесками с шумом проносился поезд, чашки дрожали на блюдцах, расписанных голубыми цветами и зелеными птицами, пьющими из них нектар. Если вовремя не удавалось поймать чашки, особенно, если поезд был товарный, – они начинали греметь, танцевать, биться в конвульсиях, кататься по принтованным скатертям с пандами, лакомящимися листьями бамбука; и непременно па-

дали на пол и разбивались. Из-за постоянных землетрясений нужно было то и дело менять испачканные скатерти и покупать новую посуду, взамен разбитой. Иногда Майе даже приходилось держаться за что-нибудь, чтобы не упасть и не уронить поднос.

«На счастье!» – весело говорила Ида – хозяйка кафе, взявшая Майю на работу, – всякий раз, когда Майе это не удавалось, и посуда летела на пол.

Два года назад Ида подыскивала недорогое место в аренду, и была счастлива, когда за бесценок получила сто квадратных метров под свое кафе на пятьдесят мест на первом этаже жилого дома рядом со станцией. «Отличное место!» – думала Ида, вешая розовые занавески на окна. А потом ремонт железнодорожного переезда завершили, и под окнами с розовыми занавесками понеслись поезда.

Иде было двадцать шесть лет. Не сказать, что красива, но приятна; часто улыбалась и иногда вела себя немного инфантильно, что было ей скорее к лицу. Несмотря на плохую погоду и довольно бедственное положение дел, почти всегда пребывала в приподнятом настроении. Работая на кухне, Ида любила напевать себе под нос какую-то неизвестную Майе мелодию, простую, но запоминающуюся. «Она определенно не из тех сонных мух, что дохнут на подоконнике, – думала Майя, наблюдая за ее суетливостью. – Скорее, Ида похожа на стрекозу. Шумную, но живую».

– Ты похожа на стрекозу, – призналась Майя, застав как-

то Иду порхающей по кухне, со взъерошенными волосами и со щеками, перемазанными в тесте.

– Да ну? – засмеялась Ида. – Что, хочешь скормить меня своему пауку?

– Чучу больше любит мух, – задумчиво ответила Майя без тени улыбки. – Хотя и стрекозу, наверное, съест... если сильно приспичит.

Майя с Идой быстро поладили. Когда Майя пришла сюда в поисках любой подработки – приведенная необъяснимым чувством, а еще, конечно, лабиринтами незнакомых переулков, улиц, дворов и привлеченная мигающим восклицательным знаком, – Ида с радостью приняла ее к себе и даже выделила комнатку с кроватью на втором этаже, с окнами прямо над вывеской. Ида сама жила там же, в соседней комнате, и была только рада соседству.

Когда на втором этаже выключался свет и задерживались занавески, внутрь комнат пробивался розовый свет, исходящий от негасимой вывески с улицы, и на стенах напротив окон появлялись горящие надписи: «Королевство Розового...» – в комнате Иды, и «...Единорога!» – в комнате Майи.

– Тебе не мешает свет? – беспокоилась Ида.

– Нет, не мешает, – отвечала Майя. Она бы ответила так, даже если бы свет мешал. Но Майе и правда нравилось в конце рабочего дня засыпать под розовым восклицательным знаком, чувствуя себя удивительно защищенной. Поэтому она не врала.

– К этому нужно привыкнуть, – говорила Ида с улыбкой. – Я тоже привыкла не сразу. Сначала учишься жить с шумом, потом привыкаешь к свету... С городом то же самое – привыкаешь к шуму, привыкаешь к свету. Становишься менее чувствительной со временем, понимаешь?

Майя кивала. Ее привлекала шумная и цветная городская суета, и даже грохот посуды в кондитерской ее не пугал. В такие моменты, когда приходилось концентрироваться на том, чтобы не упасть и не уронить поднос, она чувствовала себя живой. «Я могу упасть, – думала Майя. – Но ни за что не упаду».

В обязанности Майи входило не только обслуживать посетителей и убирать столы, но и вообще помогать Иде по хозяйству: на кухне и за кассой, с мытьем полов – вечно липких от пролитого кофе – и со счетами. Ида не могла платить Майе много, зато не брала с нее денег за проживание.

Медленно потянулись дни под ноябрьским небом. Под вращение стрелок, по полторы тысячи минут в сутках, по двести поездов, по пять битых чашек в день.

Раз в неделю часы приходилось переводить на пять минут вперед.

– Все дело в тряске, – объясняла Ида. – «Дзынь!» – бьются чашки, сбивается время. Все сбивается, как омлет, понимаешь? Следи за стрелкой, не давай ей себя обмануть!

– Время как омлет? – спрашивала Майя.

– Верно, – кивала Ида.

И раз в неделю Майя забиралась на стремянку, чтобы поправить стрелку под самым потолком, и кто-нибудь из посетителей-мужчин был не против подержать ее за ноги в джинсах в обтяжку – разумеется, чтобы Майя не упала.

– Не бойся, – говорила Ида, смеясь. – Они безобидные, тебя не тронут. А если и захотят, то я им не позволю!

И Ида трясла услужливым посетителям кулаком, а Майя улыбалась, слезая со стремянки.

– Если что, Ида сможет за тебя постоять! – грозно повторяла Ида о себе в третьем лице. – Что ты улыбаешься? Знала, что в переводе с древних северных наречий имя «Ида» означает «дева-воительница»? Ага, вот так вот, со мной не шути!

Дважды в неделю в «Королевство Розового Единорога!» приезжал грузовичок с продуктами, и Ида с Майей выходили помогать его разгружать. Маргарин, жир для вафельных начинок и сами начинки, растительные сливки, глазурь, смеси и гели, сгущенное молоко, яйца, растительное и сливочное масло, фруктовое пюре, орехи и семечки, сухофрукты... А еще – раз в неделю к заднему входу подъезжал мусоровоз, и Майя выносила мешки с мусором на улицу. Но всякий раз, когда она собиралась выбросить картонные упаковки из-под яиц, сваленные в большую кучу в углу кухни, Ида говорила их не трогать.

– Пустые упаковки из-под яиц не выбрасывай. Я продаю их одному человеку, у меня с ним договор. Он приходит раз в месяц.

– Кто же за них платит? – удивлялась Майя. – Это же мусор.

Ида пожимала плечами.

– Если кто-то и платит за мусор, то я уж точно не стану спрашивать, для чего ему это надо, – говорила Ида.

И пустые картонные коробки из-под яиц оставались копиться в углу кухни.

2

– Это для звукоизоляции, – объяснял Ник. – Крепишь их к стенам и потолку, вот так. Выглядит, конечно, не очень... еще пахнет немного, есть такое. Зато – слышишь? Тишина!

Потолок и стены гаража были обиты коробками из-под яиц. Юн кивнул.

– Ты можешь здесь пожить, я не против, – сказал Ник, подкидывая дров в старую чугунную печку. – Машину я все равно продал. Хочу студию здесь забабахать! Ну, репетиционную точку для начала. Здесь тепло, электричество тоже есть.

Ник махнул рукой в сторону телевизора с подключенной приставкой у изодранного дивана, притащенного им с ближайшей свалки.

– Спать прямо там можешь.

– Спасибо, – сказал Юн.

«Это звук привел меня сюда», – подумал он, оглядываясь по сторонам. Юн прилетел на свет, и его, бьющегося в стекло, впустили внутрь, оставили на ночлег, подарили надежду.

– Только холодильника нет, – продолжал его новый знакомый. Он закрыл печку и подошел к ударной установке. – Зато, вон, тарелки есть!

Ник опустился на табуретку. Взял палочки и стал легонько выстукивать несложный ритм. На вид Нику было не больше

двадцати. Худой, невысокий; копна агрессивного красного цвета волос; цепочка с медальоном в форме расплавленного сердца – из-под небрежно расстегнутых верхних пуговиц черного поло; радужное кольцо на левом мизинце.

– А ты играешь на чем-нибудь? – спросил Ник, когда ему надоело стучать.

– На гитаре, немного, – ответил Юн.

– Правда? – Ник оживился. – Ну-ка, погоди, я сейчас.

Он торопливо вскочил с табуретки, едва не запутался ногой в протянутой по полу паутине проводов и направился к куче хлама за микрофонной стойкой. Принялся разгребать ворохи старой одежды, перетертых кабелей «джек-джеков» и дырявых колонок.

– Пьяный был, – объяснил Ник, стеснительно ковыряя пальцем в дыре.

Неожиданно затряслись стены, пол начал уходить из-под ног, а откуда-то извне, несдерживаемый яичными коробками, донесся глухой гул проносящегося поезда.

– Ну да, еще вот это, забыл сказать. – Ник вздохнул и посмотрел на стены с дрожащими картонными полостями. – Когда доделаю, получше станет. Ни звука не будет слышно! Ну, я надеюсь.

Юн улыбнулся.

Наконец Ник отыскал в куче барахла гитару – китайский фанерный «сквайр-страт» с разноцветными замененными колками и облупившимся в нескольких местах лаком. Он

с любовью вытер с него пыль и протянул Юну.

– Только ручку громкости не крути, – посоветовал Ник.

Юн перекинул ремень через плечо, подключил кабель, и усилитель затрещал, как печка, мигнув теплым ламповым огоньком на кнопке включения. Потом Юн опустил глаза, чтобы определить масштабы трагедии. Две нижние струны отсутствовали. Остальные четыре были больше похожи на тонкие бельевые веревки, по которым прошлись теркой. Он вспомнил о своей гитаре, об изящных изгибах ее деки, о том незабываемом чувстве, когда гладкий гриф скользил в руке.

– Не волнуйся, я тоже давно не играл! – с улыбкой сказал Ник, приняв задумчивость Юна за беспокойство.

Он подмигнул ему, подкручивая болт на барабане.

– Давай что полегче для начала. – сказал Ник. – Что-нибудь простое, для удовольствия.

Юн кивнул. Ник взял в руки палочки, расправил спину и замер.

– Сейчас, погоди, только поезд пройдет.

Но глухой гул все не ослабевал. Где-то, в безвоздушном пространстве улицы, этой бесконечной чередой – этим бурлящим потоком – тянулись, выходили из русла и берегов, гремели – на репите – бурые левиафаны вагонов. И все это было так странно, так неестественно, что Юну на мгновение показалось, будто он так и не сошел с поезда, чтобы проплеваться; так и не встретил на станции того сумасшедшего

джанки; так и не покинул замкнутого пространства прокуренной лестничной клетки с грохотом крышки мусоропровода, будто он до сих пор заперт в квартире своей матери и вдыхает – снова и снова – пыльцу запертого в плафоне черного мотылька, введенный в транс белым шумом включенной вытяжки...

– Товарный, наверное, – сказал Ник, когда все наконец стихло.

Ник поднял палочки и начал отсчет. Раз, два, три. Он поставил ногу на педаль.

Юн закрыл глаза, провел по свистящим струнам, освобождая их из ножен. «Помни о звуке», – тихо зарычал тигр в его голове. И тут же зарычал громче, выпустив когти и вонзившись в нервы: «Кто ты такой, если не сможешь справиться с этой игрушкой?! Давай, покажи, чего ты стоишь – разрубь тупым деревянным мечом для кендо черного мотылька пополам в полете! Или сдохни, вспоров себе брюхо, и будь закопан в гробу из яичных коробок на пустыре, вращаясь в вечном беспокойстве под гремящие ритмы утренней электрички!»

И Юн начал играть. Струны задрожали, и нельзя было сказать, где кончаются кончики его пальцев и начинается сталь; визжащий шум впустил в себя мелодию, проглотил ее, разжевал и выплюнул через колонки, чтобы пугающим, тяжелым комом обрушиться на голову, набирая – все больше и больше – силу и скорость. Ник поднял глаза на Юна,

и в них было удивление и какой-то далекий ужас; ужас ритуальный, древний – таким взглядом смотрят на вырезанного из камня идола, когда просят его о помощи, но боятся разгневать.

Минута. Или десять. А потом – ничего, тишина, ламповое шуршание усилителя. Юн открыл глаза, убрал руки со струн. Капля пота упала и разбилась о натянутый барабан. Все было кончено. Но вместе с этим и начало чего-то большего было положено. Это было известно обоим.

Снова затрясется пол, снова промчится поезд, но это уже не будет иметь значения. Ник молча смотрел на Юна, тяжело дыша, утирая лоб. Смотрел молча, не говоря ни слова, оставляя пробел, не завершая сказанного; слова казались им пошлыми в этот момент, слова не стояли того, чтобы разбивать тишину после перегруза, отгремевшей огненной бури. Они оба знали, что искра должна была погаснуть сама собой, что-то неясное должно было повиснуть в разреженном воздухе.

Когда они вышли на улицу покурить, Юн тихо сказал:

– Я могу и лучше.

Ник усмехнулся.

– Не сомневаюсь.

Ник опустил глаза – сигарета в зубах, глаза чуть слезятся от дыма, – и принялся задумчиво крутить разноцветное кольцо на пальце. Юн уставился в небо; запрокинул голову и курил в облака, как он любил. Было уже темно. Безумная мушка крутилась под одиноким фонарем.

– Завтра потепление обещают, слышал? – говорил Ник. Затягивался, всматриваясь в нос ботинка, и продолжал: – Да, так оно и есть – осень задержится еще ненадолго. Это, наверно, глобальное потепление. Так говорят. Знаешь, мы живем в слишком старом краю, от которого все устали, и сама земля просит покоя, хочет избавиться от вечной мерзлоты... скоро все превратится в осень, понимаешь? Бесконечную осень. Как же я мечтаю о бесконечной осени! Зимой в Мегаполисе не с кем согреться... пусть уж лучше будет предчувствие трагедии, чем вечная спячка. Как это прекрасно: будем отмерять двенадцать месяцев осени, а потом снова, и снова, и снова! А листья привезут к нам на паромах с континента, я готов оплатить их вместе с налогами! Да, пускай свалят их в кучу, завалят листьями все дороги; только представь эти цвета: огненно-желтый, кроваво-красный – да здравствуют краски жизни! Прекрасно, разве нет?

Ник жестикулировал рукой с зажатой между пальцами сигаретой, и разбуженный пепел осыпался и таял в темноте. Юн молчал. Поймав безразличный взгляд Юна, Ник осекся.

– Ты прости, я странный, сам знаю. Просто я так рад, что тебя встретил, – сказал Ник, бросив на Юна странный, нежный взгляд. – Меня всегда тянет открыться, вывалить все сразу, всю свою душу показать человеку, который мне нравится. А ты мне нравишься, Юн, есть в тебе что-то... особенное. Знаешь, ты и я – это ведь было круто! Мы с тобой могли бы собрать группу.

Юн только кивнул в ответ. Ник продолжал рассматривать его – пристально, долго. Подвинулся на шаг вдоль кирпичной стены, улыбнулся. В тишине было слышно, как муха бьется о стекло.

– Вот черт, – вдруг сказал Ник и нервно качнул головой, – дай я тебя обниму!

Юн не успел отстраниться, как Ник прижался к его груди. Юн не любил прикосновения. Но нет, это было не простое объятие. Нечто другое. Внезапно – руки сомкнулись за спиной; пальцы на лопатках; теплое, нет, горячее дыхание. Юн пытался сдержаться: нельзя было позволить себе поморщиться или нахмуриться, нельзя было позволить себе слететь с катушек и сжать кулаки. «Вспомни о звуке, умерь свой гнев».

Неловкость, неприятность. Запах туалетной воды. Еще кажется, какой-то запах. Взгляд механической обезьянки... Да, а еще ведь это кольцо на пальце, цвета радуги! «Каждый Охотник Желает Знать...» И Юн догадался, вернее, он мог лишь предполагать. Весь этот набор ничего не значащих фактов. И все же. Некая картина сложилась. Причины стали чуть яснее.

«Для гомика – он неплохо стучит, – прошептал тигр у Юна в голове. И потом прорычал чуть громче: – Но мы могли бы выбить ему зубы! Мы могли бы разбить ему лицо, повалить на землю, пинать ногами до тех пор, пока он не потеряет сознание...»

– Мы не станем этого делать, – пробормотал Юн.

Ник испуганно разжал руки и отступил на шаг. Юн продолжал стоять, не двигаясь, напряженно раздавив догоревшую сигарету пальцами. Фонарь мигнул, спугнув муху.

– Прости, – тихо сказал Ник, опустив глаза. И добавил, уставившись под ноги: – Забудь, не знаю, что на меня нашло.

Юн молчал. Он плотно сжал губы, его щеки горели. Длинные тени дрогнули; нервы на взводе – дрожащие от прикосновения, натянутые, как канаты, струны.

– Это не повторится, – забормотал Ник. – Seriously, только музыка, обещаю. Давай забудем, давай начнем с самого начала, давай будем играть, только играть, прости, музыка – и больше ничего, я ничего такого не хотел, это все ошибка, давай играть вместе...

Ник качал головой и шептал извинения себе под нос, словно читал заклинание. Юн подумал, что теперь он выглядит жалко. Ярость неожиданно отступила, и, сделав над собой усилие, Юн кивнул. Он бросил под ноги окурок и растоптал его.

– Хорошо.

Юн хотел, чтобы Ник перестал извиняться.

Ник затих, поднял глаза и рассеянно улыбнулся. В это мгновение ему хотелось раствориться на месте, исчезнуть навсегда, сжечь все доказательства своего существования, лечь в гроб, скрестив на груди барабанные палочки. Вместо этого он глупо улыбнулся и снова опустил голову.

Они простояли в неприятном молчании несколько минут. Юн хмуро искал что-то в темном небе. «А где-то на другом конце света сейчас рассвет, – почему-то подумал Ник, боясь пошевелиться. – Как же я себя ненавижу. Провалиться бы сейчас под землю, уползти куда-нибудь, в Австралию, земляным червяком... как жаль, что наша вечная мерзлота меня так просто не отпустит; нет, при попытке побега я буду пойман в клетку из костей погребенных инеистых великанов, предвещающих конец времен; и буду извергнут горячим гейзером – обратно в ледяную пустыню, на землю несчастных воинственных предков, потому что никому не сбежать с холодного острова, и никому не раскопать свое счастье в древних, как сама вечность, льдах...»

– Повезло кому-то родиться в теплом краю, – вдруг сказал Ник – кажется, просто для того, чтобы что-то сказать. – Там, где теплое море, где растут оливковые деревья, где зреет виноград... Например, в Италии.

Юн повернулся и посмотрел на него с недоумением.

– Живешь как в раю: у них там всегда тепло, и всегда красивая еда и красивые, живые песни, – начал объяснять Ник. – А главное – живешь на полуострове: хочешь – купайся в море, хочешь – пей вино на ступенях залитых солнцем руин... а хочешь – беги прочь с полуострова, и никто тебя не остановит: ни шторм, ни холодные скалы, ни береговая полиция...

Юн ничего не ответил.

– Интересно, а какая у них там осень?

Ник мечтательно посмотрел в мутно-черное небо.

– Наверное, она – цвета красного винограда, цвета старых кожаных сандалий, цвета накаляющегося рассвета над теплым морем... или наоборот – цвета последнего закатного луча, догорающего на потрескавшемся боку глиняной вазы...

3

Ида отсчитывала деньги и говорила:

– Купи два набора разноцветных керамических чашек с блюдами. Пусть будут невысокие и широкие – эти более устойчивые.

Она вложила помятые купюры с запахом шоколада Майе в ладонь.

– Тут слишком много, – сказала Майя.

Ида улыбнулась.

– Если что-то останется, возьми себе.

Майя качнула головой.

– Мне не нужно, – соврала она.

Майя видела, как плохо идут дела в кофейне, и знала даже о конкретных цифрах в бесконечных счетах. Вместе с Идой они садились за бумаги дважды в неделю, когда приезжал грузовичок с продуктами, до поздней ночи считали, подчеркивали и обводили суммы, склонившись над чашками с остывшим чаем – сами они пили из побитых. Двойные черточки – для «плюса», как говорила Ида; красные окружности – для «минуса». Все чаще приходилось рисовать окружности. И красные круги плыли перед глазами, и стол трясся – реже, но даже ночью – и надкусанная цветная керамика прыгала, как живая; и все происходящее было больше похоже на чаепитие в гостях у Безумного Шляпника. «Одна-

жды я закажу самый дорогой коктейль в том баре, потерянном в переулке за центральной площадью, – думала Майя, вспоминая в такие моменты об улыбке исчезающего кота на неровной подвальной стене. – Я буду сидеть за столиком под корнями деревьев, свисающих с потолка; не зная ни голода, ни боли; буду отстраненной и уставшей от роскоши. Да, однажды! И пусть пока я только заключаю цифры в красные кружки, я хочу верить, что этот день обязательно настанет».

Майя не могла взять деньги у Иды. И даже не потому, что тогда была бы обязана, и не потому, что считала это выше своего достоинства. Она не могла взять деньги потому, что их все равно бы не хватило для исполнения ее неясного, как мираж, желания. Майя не могла представить его целиком, а тем более описать, но все же – как странно – на прочее она не была согласна. «В деньгах слишком много пошлости. К тому же, мне пришлось бы думать, как их потратить».

– Ты работаешь у меня уже три недели, – сказала Ида, качнув головой. – Но может быть, мне нечем будет выплачивать тебе первую зарплату.

– Я знаю, – кивнула Майя.

Они помолчали, вспомнив красные круги, от вида которых хотелось тереть глаза.

– Почему ты не хочешь позвонить по тому номеру? – тихо спросила Ида. – Ты ничего не теряешь.

– По какому номеру?

– Ты знаешь, о чем я. – Ида посмотрела Майе в глаза. –

Почему ты не позвонишь по номеру на красивой визитке? В то модельное агентство. Мне кажется, ты могла бы попробовать.

Майя зажмурилась – почему-то ей так захотелось. Чтобы не слушать Иду. Иногда, в детстве, когда была совсем маленькой, Майя зажмуривалась и думала: «Не хочу ничего слышать. Я закрою глаза, и все исчезнет. Люди перестанут говорить со мной». И в голове всегда играла какая-нибудь незнакомая мелодия...

Вдруг перед глазами появились и поплыли эти изящные серебристые буквы на черном фоне, и Майя испугалась. Испугалась того, что действительно решится позвонить по этому красивому выпуклому номеру, а потом придет в тусклое помещение, забитое длинноногими моделями, и – получит отказ. Столько минут она, спрятавшись, проводила наедине с этим таинственным клочком бумаги, касалась пальцем со стершимся черным лаком дорогой бумаги, от которой, казалось, даже пахло чем-то далеким и несбыточным, и боялась задать себе главный вопрос. Вернее, что-то шептало этот вопрос ей в ухо, но Майя зажмуривалась, как теперь, и не хотела ничего слышать. Этот голос говорил ей: «Что если ты «одна из» а не «самая-самая»?

Что будет, если этот голос знал о ней больше, чем она сама? Если Майя позвонит, и если ей скажут «нет», то весь мир, все ее будущее, всякая надежда тут же исчезнет! Майя ужасно боялась, что однажды ей придется вернуться в тот

жуткий, вечно дождливый и туманный город. Нет, тогда она точно никогда уже больше не окажется в том баре, затерянном в переулке за центральной площадью и не закажет самый дорогой и изысканный коктейль, ради которого можно было бы согласиться умереть в тот же вечер...

Майя зажмурилась, но Ида продолжала говорить.

– Сделай мне одолжение, оставь сдачу себе, но потрать ее не на себя, – настаивала Ида.

Майя посмотрела на нее с удивлением.

– Хотя бы ради моего интереса – купи что-нибудь из одежды. Позвони по этому номеру на визитке. Ничего ведь не случится, если ты им не подойдешь?

Майя не стала отвечать. Она пожалела, что рассказала Иде о серебристо-черной визитной карточке из бара. Может быть, все дело было в том, что Ида умела слушать. Она знала уже обо всем: о странных видениях Майи, в которых непременно присутствовал ее отец, о двух сплошных полосах на дороге, о желании чувствовать падение, но не падать окончательно; даже о том вечере, когда у Майи случился приступ и она решила проверить реальность своего брата ножом на кухне. Выслушав эту историю, Ида нахмурилась и качнула головой, но промолчала – хотя бы не стала осуждать, как все остальные.

Майя прикусила губу и взяла деньги.

– Вот и договорились, – с улыбкой сказала Ида. – Только помни: чашки невысокие и широкие...

– ...Более устойчивые, – хмуро договорила за нее Майя, надевая свою поношенную куртку.

Спустя пять минут она бежала под дождем, под мрачным небом – по железному мосту над железной дорогой, мимо грязных бетонных стен и исписанных пошлостями гаражей. Майе хотелось взлететь. Или упасть. Или делать по два вдоха за раз, по два шага за шаг, разогнать свое сердце и свои мысли. Она бежала, но ей все равно казалось, будто она все еще заперта в своей комнате с выпотрошенными мягкими игрушками; черный мотылек умер на подоконнике, и до сих пор ощущался тот невыветриваемый запах смерти, витавший в спертом воздухе. Пальцы в пыли. Не оттереть, никуда не деться.

*Nano ni boku wa asette iru
Naze kokoro furuete iru?*¹⁴

Выключите фонари. Спрячьте луну. Скройте звезды. Отчего мне так плохо сейчас? Потому что я чувствую, «когда-то существовала неизвестная страна, полная странных цветов и нежных ароматов. Страна, где царила общая радость. Радость мечтания. Страна, где все вещи были совершенны и *неядовиты*...»

Майя опустилась на колени, прямо на грязный асфальт

¹⁴ Я в отчаянии. Почему мое сердце рвется из груди? [яп.]; MUCC – Ware, aru beki basho

на углу, у какой-то ржавой бочки. За стеной протяжно завопили псы, надрываясь, звеня цепями, а луна уже светила, и эти дурацкие чашки все еще не были куплены... Майя упала на колени, чтобы скрыть неясную грусть, подступившую к горлу. Грусть собственного несовершенства, собственной никчемности, собственной пустоты; грусть, жившая в ней, пропитавшая ее изнутри, подхваченная ею, вероятно, из туманного воздуха ее неподвижного города. «Кажется, я больна, отравлена ядом», – сказала себе Майя спокойно. А слезы почему-то лились у нее из глаз.

Внезапно сквозь лай собак, гул автострады, вой стремящегося вдаль поезда – до нее донеслись музыка. Грубая, едва уловимая, но незабываемая мелодия. Рычащий гитарный перегруз, агрессивный и примитивный ритм, печальный, чуть хриплый голос. Майя поднялась с колен, прислушалась, но никак не могла понять, откуда исходит звук.

Из-за забора, из какого-то гаража. Майя простояла у ржавой бочки под усиливающимся дождем несколько минут – пока не закончилась песня. Тогда она отряхнулась и вытерла слезы. «Все-таки надо купить эти чашки, ведь завтра, как и всегда, пронесутся двести поездов. И пусть я больна, но пока еще жива. Значит, нельзя сдаваться, так просто опускать руки». Майя слегка улыбнулась своим словам, будто бы процитированным из какой-то мотивирующей книги. «Может быть, вместо платья мне прикупить такую книжку? Мне ведь все равно придется потратить сдачу... Или лучше будет

взять целую кучу обучающих дисков с уроками игры на гитаре? У меня ведь теперь есть гитара! Ги-та-ра. Какое нежное, немного сентиментальное слово; оно будто дрожит в воздухе... Не может быть, чтобы мы нашли друг друга случайно. Встречи на заснеженных станциях в ожидании поезда вообще не бывают случайными, они могут быть только преднамеренными».

Музыка. Дикая, неукротимая, спасительная музыка все еще звучала отголоском в ее голове. И Майя уставилась в темноту, понеслась вниз по склону – в шумной лавине гравия. Ей захотелось снова вспомнить то чувство страха; захотелось почти упасть и разбиться, но все же – в последний миг – устоять. Вопреки всему (всем битым чашкам). Благодаря звуку, поднявшему ее с колен и призвавшему к действию. «Можете включать фонари. Я больше не плачу. Я готова. Дайте мне луну. Дайте мне звезды!»

Днем Юн играл на исцарапанной акустике, одолженной у Ника, в ближайшем переходе: играл романс Гомеса, играл «К Элизе» и «Лунную сонату», играл кельтские мотивы, играл «Greensleeves» и Rolandskvadet¹⁵, «Where is my mind» Pixies и «Meds» Брайана Молко. А по вечерам, закрывшись в теплом гараже, искал свой «звук» на фанерной электрогитаре. Лежал на полу с неподключенным инструментом в руках, перебирал струны, уставившись в обитый яичными коробками потолок.

Ник подрабатывал в салоне сотовой связи и снимал комнату в другом районе, в трех станциях метро от своего гаража. Он приходил навещать Юна несколько раз в неделю, когда у него был выходной, и они вместе репетировали – играли по шесть, а то и восемь часов.

– Я подыскиваю басиста, – говорил Ник. – Но нам нужен материал. У тебя есть свои песни?

Юн качал головой.

– Сначала мне нужно найти «звук», – отвечал он задумчиво. – Я чувствую, что этот «звук» где-то рядом, он дышит мне в спину, но не дает себя приручить.

– «Звук»? Что за «звук»? – переспрашивал Ник. – На что

¹⁵ Rolandskvadet [норв.] – «Песнь о Роланде», средневековая скандинавская поэма (также – песня норвежской группы Glittertind)

он похож?

– Он похож на тяжелый удар и на легкое касание. Изящный и грубый одновременно. Красивый и точный – как взмах самурайского меча, разрубающего мотылька в полете. Но неистовый и кричащий – как грохот поезда, пролетающего над твоей головой.

– Это хорошо, что ты ищешь свой стиль, – говорил Ник. – Но пока он от тебя ускользает, ты мог бы заняться текстами. Стихи, случайные строчки, какие-то образы в голове, знаешь? Иногда песня начинается с этого. Тебе стоит попробовать написать что-нибудь. Чтобы не терять время.

– Нет, – холодно отвечал Юн. – Сначала – «звук».

«Когда я найду его, – говорил себе Юн, – тигр в моей голове успокоится и перестанет рвать меня изнутри».

Юн был непреклонен, и Нику не оставалось ничего, кроме как пожимать плечами и ждать завершения поисков таинственного «звука».

В конце ноября они отправились в кондитерскую за очередной партией картонных коробок для обивки гаража. Кондитерская находилась неподалеку от гаражного комплекса – в жилом квартале на другой стороне железной дороги. Ник сказал, что у него договор с хозяйкой кафе.

– Раз в месяц я забираю у нее упаковки из-под яиц оптом и плачу только за вес картона, – не без гордости говорил Ник, когда они шли по железному мосту. – Это обходится дешевле, чем лазать по мусоркам или грабить магазины.

Юн задумчиво кивнул. Он не слышал слов Ника, а смотрел вдаль – туда, где в туманной дымке возвышалась одинокая высотка, окруженная лабиринтами складов, заброшенных цехов и гаражей. Башня из бетона и слоновой кости, с разбитыми окнами и обвалившимися балконами над пустынными землями; исписанная граффити от первого этажа до последнего; старая, печальная, но притягивающая к себе взгляд. Юн вспомнил странное чувство, охватившее его, когда он увидел девочку с лезвием во рту на фоне этой многоэтажки в свой первый вечер в Мегополисе.

– Что это за здание, вон там? – спросил Юн, показывая на высотку.

Перед тем как ответить, Ник почесал затылок.

– Этот недостроенный небоскреб, да? Тот еще прыщ на лице города... Его начали строить десять лет назад, я тогда учился в начальной школе – она была недалеко от стройки, в двадцати минутах ходьбы. Я часто перелезал через забор и бродил по пустырю после занятий, карабкался наверх по лесам и по бетонным плитам, болтал ногой, наблюдая с высоты за городом у меня под ногами. – Вспомнив о детстве, Ник чуть нахмурился. – Да, печальная история. Застройщик скупил по дешевке землю в промышленной зоне и вложил кучу денег в строительство навороченного отеля. Знаешь, одного из тех облепленных стеклянными панелями гигантов, что торчат в центре: с подземными парковками, «зеленой» зоной, с бассейном на крыше? Ходили слухи даже

о небольшом зоопарке на территории – с павлинами и белыми медведями. . . Да, а потом, как всегда, что-то произошло, что-то пошло не так, кто-то откусил слишком много, – словом, деньги кончились, и стройка остановилась. Стеклопакеты так и не были вставлены в окна, бассейн так и не был заполнен водой. Никаких лифтов, водопадов в фойе и подземных парковок. Остался только этот серый бетонный скелет, торчащий из-под земли.

– Так почему же здание не снесли? – спросил Юн.

– Потому что его «захватили» ребята, которых одни называют маргиналами, а другие – арт-богемой. Спустя полгода после отмены строительных работ город дал согласие на снос, но, когда приехала техника, в здании уже сформировалась община из бедных художников и музыкантов. К тому моменту многие жили там уже месяцами, некоторые – целыми семьями с детьми. Они обустроивали комнаты, забивали окна, расписывали стены; стали называть эту многоэтажку своим домом и не собирались выселяться. Жители небоскреба объявили голодовку, и городу пришлось отложить снос и отозвать технику. Так что теперь это двадцатидвухэтажное гетто, которое у многих сидит в печенках. Самопровозглашенное царство творческого безумия, голых стен и, разумеется, порока. – Ник сжал кулак и постучал пальцами по вене. – Ну, понимаешь. Говорят, с некоторых пор дела «с этим» там обстоят все хуже и хуже. К небоскребу стекается все больше преступников и наркоманов, кельтских пьян-

чуг, а жители соседних районов засыпали администрацию жалобами, и это понятно. Стали поговаривать о жестких мерах, о применении силы... пока все окончательно не вышло из-под контроля и люди не устремились на площади. У всякого терпения есть предел, так ведь?

Юн не ответил. Они перешли мост и направились к жилому массиву.

– Выходит, это не такая уж закрытая община? – спросил Юн после паузы. Несмотря на то, что башня осталась позади, он никак не мог выкинуть ее из головы. Она все еще плыла у него перед глазами – чуть смазанная, неясная картинка в дыму промышленных труб и черных туч; тайна, спрятанная за рамой дюжины железных заборов.

– Не думаю, что у них есть недостаток в свободном пространстве, если ты об этом, – с улыбкой сказал Ник. – А ты что, решил подыскать себе новое жилье? Поверь мне, это не самое лучшее место для жизни, и тебе стоит держаться от него подальше. Потерпи, перекантуйся пока в моем гараже, а потом... не знаю, подыщешь себе какую-нибудь комнату в более благополучном районе.

Вскоре они дошли до кафе-кондитерской на первом этаже жилого дома. Юн прочитал приторно-розовую вывеску над входом: «Королевство Розового Единорога!» Вопросительно уставился на Ника, а тот лишь развел руками с видом, говорящим, что он не имеет никакого отношения к этому странному названию. Ник сказал ему ждать снаружи, а сам взбе-

жал по ступеням и скрылся внутри.

Скучающий Юн остался топтаться у входа, сжимая в зубах сигарету и бесцельно пиная жестяную банку по неровному асфальту, когда вдруг услышал звуки расстроенной гитары – они доносились из открытого окна на втором этаже, прямо над вывеской. Это звучание, пусть измученное и искаженное, показалось ему смутно знакомым. Инструмент недовольно и протяжно выл от чьих-то неуверенных касаний. Кто-то брал на нем свои первые неловкие аккорды. Юн поднял глаза и увидел худую ногу, закинутую на подоконник; подошва кеда рядом с горшком с засохшей геранью. Ни руки на струнах, ни лица, ни силуэта снизу невозможно было увидеть.

Майя сидела на стуле, придвинувшись к окну, и сосредоточенно пыталась сыграть мелодию по табулатуре из раскрытого учебника у нее на коленях. Она то и дело хмурится, сверяет положение собственных пальцев на грифе гитары с изображением на рисунке, нервно покачивает ногой, задев горшок с цветком. «У хозяина этой гитары точно были длинные пальцы, иначе как бы он смог управиться со всеми этими ладами и струнами? – думала Майя. – Хотя почему это „были“? Наверное, его длинные пальцы до сих пор при нем, только ему больше не куда их деть. И в этот самый момент он ходит где-то, прячется под вуалью поздней осени. Может быть, страдает; может быть, пьет/пускает что-то по вене/курит/хочет забыться; или вовсе – стоит на обрыве, закрывает

глаза, готовясь упасть. Одинокий, без своей гитары. Его милая Gregg Bennett... интересно, а эта гитара – мальчик или девочка?»

В комнате Майи жуткий беспорядок: повсюду валяется одежда, одолженная у Иды, смятые бумажные салфетки, словно ворох листьев покрывают пол; одеяло водопадом сбегает с кровати и теряется в пыльном углу; лампа с покосившимся плафоном замерла в недоумении на тумбочке, будто уставившись на банку с Чучу на самом краю.

Иногда Майя сопит, задирает голову, утыкаясь покрасневшим носом в потолок. Потом достает из упаковки очередной платок, сморкается, кидает его на пол, вздыхает, возвращается к гитаре. Майя заболела и уже второй день не выходит из комнаты – Ида запретила ей выходить, чтобы не заражать посетителей. От скуки Майя взялась за гитару. Она так сосредоточена, что даже не слышит грохота проносимого поезда. Землетрясение, одно из двух сотен в день, – легко научиться не обращать внимание. Бумажные платки ожидают и убегают в угол, запрыгивают на одеяло; дрожит плафон на лампе – и наконец срывается, задевает банку с Чучу, сталкивая ее с тумбочки. Хрупкая стеклянная клетка падает на пол и со звоном разлетается на мелкие осколки, освобождая паука из плена. Майя поднимает голову и прислушивается. «Вероятно, это разбилась очередная чашка внизу», – думает она и возвращается к учебнику.

Чучу выползла из комнаты и направилась к лестнице

на первый этаж. А внизу, стоя перед нагромождением картонных упаковок, разговаривали Ник и Ида.

– Всего сорок шесть? – Ник покачал головой и отсчитал деньги. – В том месяце ведь было шестьдесят!

– Мы стали расходовать меньше яиц, – грустно сказала Ида. – Но, если тебе интересно, у нас еще остались пластиковые контейнеры из-под перепелиных.

Ник задумался.

– А как они выглядят? Они такие же выпуклые?

– Выпуклые? – не поняла Ида.

– Ну да, с такими... конусообразными «пупырышками»? – Ник изобразил нечто непонятное руками.

Ида устало вздохнула.

– Ладно, подожди, сейчас покажу. – Она скрылась на кухне.

Ник нетерпеливо походил туда-сюда в ожидании. С интересом рассмотрел меню и расписание поездов, поправил ска-терть на одном из столов, понюхал цветок на окне, подергал розовую занавеску – перекинул ее через плечо, будто примеряя. Когда ему надоело дурачиться, он принялся сгребать коробки у себя под ногами, не заметив, что внутри одной из них спряталась Чучу.

– Вот такие, – сказала Ида, вернувшись с кухни и протянув Нику маленькую прозрачную упаковку.

– Такие не подойдут, – сказал Ник.

– Очень жаль. – Ида пожала плечами. – Больше ниче-

го нет.

Ник печально покачал головой. Тогда Ида положила упаковку из-под перепелиных яиц на стол, помогла Нику собрать оставшиеся коробки с пола и подняться.

– С тобой приятно иметь дело! – с усмешкой сказала она нагруженному, медленно переставляющему ноги Нику.

Ида открыла перед ним дверь и помахала на прощанье рукой.

– Звони, когда перейдешь на страусиные! – засмеялся Ник и повернул голову, едва не рассыпав коробки.

Юн, стоявший у первой ступеньки лестницы, вышел из гипноза неправильной мелодии, льющейся из окна второго этажа. Он успел подскочить к Нику на помощь и перехватить верхнюю, опасно склонившуюся часть башни из картонных упаковок.

Юну снилось поле боя: бесконечно растянувшееся пространство печального розового вереска – и одинокое дерево с раскидистой кроной, но мертвыми корнями; голубые листья плавилась и опадали на землю, превращаясь в капли дождя; бетонные тучи застыли в небе; туманное небытие до самого горизонта, на все четыре стороны. Вдалеке был слышен гром – это рокот поезда, несущегося из ниоткуда в никуда, вечно и бессмысленно. *Кумо*¹⁶, бледная девушка без лица, выставив ногу, запутавшись в мертвых корнях, сидела у дерева и наигрывала на гитаре мелодию из сломанной музыкальной шкатулки. Юн смотрел своему противнику в глаза, сжимая в руках окровавленный деревянный меч для кендо. Тигр не спешил атаковать, он выжидал, готовился к броску, ходил по кругу, крался, рычал – и изо рта его сочилась ожившая черная слюна; бьющиеся в конвульсиях, барахтающиеся в вереске иссиня-черные мотыльки. «Когда музыка перестанет играть, мне придется драться, – подумал Юн. – У меня будет только один шанс подобраться к нему, только один удар, один взмах и один единственный звук». Принять бой: отправиться небесное гетто, в вечное царство творческого

¹⁶ Кумо – оборотень в японской мифологии. Огромный паук с ядовитыми жалами на лапах, способный принимать облик красивой девушки, нередко – со струнным инструментом в руках, в котором кумо прячет свою паутину.

безумия, уготованное победителю; или провалиться под землю, в глухой звукоизоляционный гроб, собранный из картонных яичных упаковок.

Девушка без лица закончила играть, и отголосок последней неточной ноты был унесен ветром. Тигр прыгнул на Юна, и Юн устремился к тигру. В последний миг – перед взмахом – он закрыл глаза и услышал звук рассыпающегося времени, выпотрошенного тупым мечом; хруст сломанных клыков. «Ты мне запфлатишшь!» – прошипел кто-то прямо ему в ухо. И отголоски далекого прошлого зазвучали у Юна в голове.

...В тот день, когда навсегда ушел его отец, Юн играл на гитаре блюз, сидя на своей раскладушке на кухне. Он слышал ссору родителей за стеной и то, как с полки упала и разбилась его копилка с мелочью. Монеты рассыпались и с оглушительным звоном разбежались по разным углам. Тринадцатилетний Юн в приступе гнева ударил по струнам, и те жалобно взвыли. Не дав им опомниться, он ударил по ним еще раз, взяв новый аккорд. Потом – еще и еще. Он высекал из своей гитары звуки с такой силой, что вот-вот на линолеум должны были посыпаться искры...

Внезапно Юн почувствовал, как что-то легкое, почти невесомое, дотронулось до его лица. «Я все еще сплю, – подумал он и улыбнулся, – Это верно, я слышал все, каждое свое движение. Легкий взмах и сильный удар. Должно быть, я упал к корням того одинокого дерева, и теперь девушка без

лица пытается меня разбудить». Юн медленно открыл глаза. Паук перебирал своими мягкими лапками, ползал по его левой щеке, нежно касался век и ресниц, путался в пряди волос, постепенно забираясь на лоб. Спросонья, возвращаясь в свое тело сквозь замочную скважину, вытекая из другого мира, Юн какое-то время неподвижно лежал с открытыми глазами; ему не сразу удалось понять, что огромный паук на его лице реален.

Дома, в туманном неподвижном городе, Майя всегда оставляла ночник включенным, потому что Чучу боялась темноты. В «Королевстве Розового Единорога!» это не было нужно, потому что комнату всегда ярко освещала вывеска. Но гараж, в котором спал Юн, был темным – лишь чуть мерцали угли в чугунной печке. Поэтому ночью испуганная и потерявшаяся Чучу выползла из кучи картонных упаковок, сваленных в углу гаража, поползла к чьему-то теплу, на чье-то дыхание.

Наконец Юн сфокусировал взгляд на мохнатых лапках Чучу и спустя мгновение, как ошпаренный кипятком, вскочил с пола, едва не ударившись головой о закрепленную на стойке тарелку. Чучу напряглась и застыла на его лице, прямо под левым веком. Юн все еще дышал тяжело, но постепенно приходил в себя. Он медленно поднял руку и дотронулся до мохнатого тела паучихи. Она не стала сопротивляться его касанию, и Юн провел пальцем снова – с жесткой, как камень, мозолью – погладил Чучу по спине и аккуратно

снял ее с лица, словно маску.

– Откуда же ты взялась? – спросил Юн, разглядывая Чучу, лениво болтающую в воздухе лапками. Она молча смотрела Юну в глаза.

– Может быть, тебя затащило сюда из другого мира? – с улыбкой проговорил Юн. – Может быть, ты искала меня?

Юн подумал: «Это она, девушка без лица, мучившая мой Greg Bennett! Пусть у нее нет лица, зато есть восемь длинных изящных ног. Теперь я знаю, что это судьба». Оглядевшись по сторонам и не найдя никакой подходящей емкости, он склонился над ударной остановкой и, отодвинув неподключенный микрофон для подзвучки, опустил паука в отверстие, вырезанное в мембране бас-барабана. Чучу растерянно начала ползать внутри. Юн опустился на колени, внимательно наблюдая за ее движениями.

– Ты – мой уродливый символ на лице, верно? – тихо спросил Юн, вытянув сигарету из пачки. – Я тоже тебя искал.

Он щелкнул зажигалкой и улыбнулся, коснувшись своей левой щеки. Чучу перебирала мохнатыми лапками внутри бочки.

– Меня зовут Юн. И я тот, кто приведет нас к славе.

Майя со слезами на глазах искала Чучу сначала в своей комнате, перетряхнув каждый сантиметр барахла и пыли, а потом сбежала вниз по ступеням на первый этаж и принялась ползать по залу в одном халате на голое тело. Немногочисленные посетители заинтересованно повернули головы.

«Чучу! Чучу!» – звала Майя, стоя на коленях и заглядывая под столы. Из ее покрасневшего носа упала на пол и разбилась капля. «Где ты? Чу-чу!» Капля задрожала – приближался поезд. Он ответил Майе несмешной пародией – протяжным двойным гудком.

Ида отвела Майю наверх, обратно в ее комнату, придерживая рукой ее хрупкие дрожащие плечи; потом заварила на кухне чай с ромашкой и взяла с витрины пирожное. Ида выбрала самое дорогое пирожное с самой большой горкой из крема, самое пошлое пирожное, завернутое в розовую салфетку. Когда она поднялась наверх снова, Майя уже закрылась в своей комнате, и Иде пришлось оставить поднос на полу перед дверью.

– Мы можем поискать твоего паука вместе, но только вечером, после закрытия, – сказала Ида, беспокойно барабанила пальцами по косяку. – Мне правда очень жаль, Майя. Но, ты же знаешь, я не могу оставить зал без присмотра.

Майя молча собирала голыми руками осколки разбитого стекла, ссыпая их в ладонь. Она вытерла слезы тыльной стороной ладони и увидела каплю крови – маленькая прозрачная песчинка впиалась в ее веко. Майя аккуратно вытащила ее, зажав между ногтями со стершимся черным лаком, и едва сдержалась, чтобы снова не заплакать.

– Успокойся, выпей чаю, ладно? Я оставила тебе поднос под дверью. Аккуратней, когда будешь открывать... Майя, ты меня слышишь? – Ида наклонилась к двери. – Не стоит

убиваться раньше времени.

«Не стоит убиваться, – повторила про себя Майя и не сдержала грустной улыбки. – Не стоит убиваться – раньше времени».

Не услышав ответа, Ида еще немного постояла перед дверью, качнула головой и вернулась в зал к посетителям.

Когда Майя немного пришла в себя, она приоткрыла дверь и втащила поднос внутрь. Развернула розовую салфетку, промокнула ей каплю крови на лице и уставилась на пирожное. Оно напомнило ей того водителя грузовика, что привез Майю в Мегополис. А водитель грузовика напомнил Майе об отце.

«Может быть, я уже проиграла? – спрашивала у себя Майя, прижавшись спиной к двери, уставившись в окно, за которым горел вечный восклицательный знак. – Может быть, все же пора сдать, вернуться побежденной в город с асимметричными домами, с кривыми рамами, с застоявшимся воздухом?»

Вдруг ее взгляд упал на визитку, лежавшую на краю тумбочки. Раньше сверху стояла банка с Чучу. Майя потянулась за мобильным телефоном.

«Просто попробую, ведь мне больше нечего терять. А если ничего не выйдет, – успокаивала себя Майя, слушая гудки, – то позвоню матери. Или нет, лучше все-таки отцу... Интересно, чем он сейчас занят? Три часа. Бывает ли он занят днем, в перерыве между утренними тостами и вечерним

звенящим графином?»

В трубке раздался приятный женский голос, объявивший название фирмы. Майя представила, как в этот момент девушка с прямыми длинными волосами высокомерно улыбается, сидя за стойкой ресепшна в шикарном офисе с видом на центр города.

– ...Алло? – неуверенно спросила Майя, ее голос дрожал. – Можете соединить меня с...

И она опустила глаза на визитку, сжатую между своих окровавленных, вспотевших пальцев.

Часть третья.

Овердрайв и декаданс

1

Начало зимы, гараж, чернила, тихое пламя в чугунной печке, паучиха, пойманная в бочку, восемь мохнатых лап, капля запекшейся крови на игле; татуировка на лице Юна – под левым веком – с изображением черного паука, ползущего к глазу; «Остаемся зимовать?» – смеется Ник, раздувая угли; а снега нет вовсе, какая-то пародия, что-то моросит, и кашляет кто-то; готовятся к празднику – так рано? – и зачем-то бродят люди по улицам и площадям, смотрят в витрины, покупают нечто ненужное себе или в подарок; к чему-то столько мороки – конечно, ради натянутой улыбки; натянуты новые струны на старый «сквайр-страт», струны кричат и хрипят под напором ударов Юна; город спит беззвучно, потому что темно круглые сутки, а все хотят жить по правилам и прятаться по домам от волков черной ночью; печальные псы на окраинах кладут головы на передние лапы, и подбираются жертвы черных богов у переездов, железнодорожных станций.

Техника игры Юна, его звук, его лицо, его голос – все

слилось воедино, став символом чего-то звериного, дикого. Северный *bastarðr*¹⁷ покори́л восточного *они*; выгравировал горящие рунические письмена на деревянном мече для кендо. Ударом по струнам – плотный и резкий звук – и горячей кровью по венам в замкнутом пространстве гаража – водопадом – льется песня; под примитивный, грубый ритм ударной установки; с закрытыми глазами, но с криком у микрофона, с каплей пота у лба, до последней порванной связки и последней порванной струны – чтобы сквозь молчание тихой улицы, сквозь сон спящих районов и сквозь реки магистралей; до самой далекой песчинки на дне Марианской впадины и до прорезающего стратосферу заснеженного пика Джомолунгмы – рычащая искрами и разлетающаяся черными мотыльками, пораженная смертельной болезнью мятежного духа, – долетела песня семнадцатилетнего Юна с пауком на лице, с разбитыми костяшками пальцев. «Слушай мой гнев! Слушай мой гнев, зверь, которого я приручил своим деревянным мечом, зверь, которому я выбил зубы!»

Юн отказался от поисков бас-гитариста, потому что хотел добиться «максимально вызывающего звучания, бьющего в челюсть». Он решил полагаться только на электрогитару, ударные и свой голос.

За две недели в начале декабря Юн и Ник сделали три демозаписи отвратительного качества на беспрестанно фونهاщие дешевые микрофоны – стоит чуть сдвинуть с места или

¹⁷ *Bastarðr* [исл.] – ублюдок; бастард, незаконнорожденный сын.

повернуть к колонкам, как от истеричного писка приходилось закрывать уши и выдергивать кабели. На записях были слышны: отголоски проходящих мимо поездов, грохот опустошенных пивных банок, пинаемых по полу, смех и кашель в начале и конце песен. Во время записи Юн и Ник выходили на улицу только в двух случаях: покурить или проблеяться; они дрались, поглощали растворимую лапшу и спали прямо на полу. Ник, вдохновленный безумием и манерами Юна, поддался влиянию его стиля, сделав свою игру на ударных жесткой и неистовой, ориентируясь на звучание The Black Keys, White Stripes или Black Rebel Motorcycle Club. За время записи Юн и Ник сблизились: Юн стал проще относиться к иногда непредсказуемому поведению Ника, с усмешкой отпускал шуточки по поводу его ориентации, а Ник однажды спародировал Юна – с совершенно серьезным видом, с высоко поднятой головой, вразвалку, он вошел в гараж с рисунком скрюченного дождевого червяка под глазом, небрежно выведенным черным маркером, – за что незамедлительно получил от Юна по печени.

Двухнедельный спринт музыкального безумия закончился тем, что Ника уволили с работы – он пропустил подряд три своих смены, а у Юна сел голос, и он несколько дней почти не мог разговаривать, а только хрипел. И все же – демозаписи трех песен были сделаны. Для группы оставалось придумать название.

– Freedom Fighters¹⁸! – выкрикнул поддатый Ник. Он крутился на табуретке перед ударной установкой, сжимая в руке банку пива. – А что, неплохо звучит!

– Нет, – прохрипел Юн и качнул головой.

– Ты же сам хотел, чтобы название было в духе старых британских групп?

– Да, но оно должно быть еще и личным, – задумчиво проговорил Юн. Он двигал губами, прокручивая в голове сплетения символов и слов.

Ник тоже нахмурился и уставился в потолок, запустив руку в огненные волосы.

– The Nasty Spiders, The Beaten Eggs, The Dead Unicorn Kingdom Club, Megapolis Decadence¹⁹... – перебирал он. – А может быть, The Slappers?

Юн задумался на несколько мгновений, погладил Чучу, лежащую на коленях, и снова качнул головой. Паучиха сонно двигала лапками; она отдыхала после обеда, состоящего из засохшего трупя таракана, найденного Юном в углу гаража.

– Откуда ты знаешь, что он не ядовитый? – спросил Ник после паузы, кивнув на паука.

– А я и не знаю, – ответил Юн.

– Не понимаю, с чего ты так спокоен. Эти твари в городе

¹⁸ Борцы за Свободу [англ.]

¹⁹ «Мерзкие пауки», «Битые яйца», «Клуб королевства мертвых единорогов», «Мегаполис декаданс»... [англ.]

точно не водятся. Как же он сюда попал?

– Мне кажется, это *она*, девочка. – Юн взгляделся Чучу в глаза. – И тебе лучше знать, как она сюда попала. Это твой гараж, а не мой.

Ник улыбнулся и прицелился, чтобы отхлебнуть из банки.

Вдруг пол затрясся от проходящего мимо поезда. Ник едва не расплескал недопитое пиво и раздраженно вздохнул. Юн спрятал в ладонях испуганную Чучу.

– Это «десятичасовой», – проговорил Ник. – Должен пройти без остановки, а после него будет перерыв на полчаса.

– Вообще-то на двадцать две минуты, – поправил Юн, который тоже успел выучить расписание. – И ты еще забыл про Аэроэкспресс.

– А, ну да, верно. Сегодня же суббота. – Ник обреченно потер глаза. – Все перепуталось, надо меньше пить.

Они замолчали, дожидаясь, когда стихнет гул. «Очередной левиафан, несущийся без остановок, – подумал Юн. – Невидимый, путешествующий из ниоткуда в никуда, вечно и бессмысленно, как в моем сне. Гром и молния; он видит направление, простое и понятное, упрямо стремится вперед, но не знает конечной цели».

– Никогда бы не подумал, что стану трейнспоттером, – с легкой, немного растерянной улыбкой сказал Ник.

Юн, оживившись, поднял на него глаза.

– Как ты сейчас сказал?

– Ну, трейнспоттер. Тот, кто следит за поездами²⁰, – объяснил Ник.

– Трейнспоттеры, – повторил Юн, и что-то гулко отозвалось у него внутри.

Закрыв глаза, он проговорил по буквам, хрипло и громко: – The Trainspotters!

²⁰Трейнспоттинг: 1. Хобби, заключающееся в наблюдении за поездами; 2. Аналог русской рулетки, в котором «игроки» выбирают участок железной дороги с большим количеством путей, ложатся на рельсы и с закрытыми глазами ждут приближающегося поезда, не зная заранее, по какому пути он пойдет; 3. «Словить поезд» – на сленге джанки точное попадание в вену иглой.

2

Майя получила работу в небольшом агентстве, занимающем цокольный этаж в старом здании в исторической части города, и вместе с другими моделями стала ходить на кастинги, прописанные в ее договоре, – расписания мероприятий, на которых она должна была присутствовать, ежедневно приходили ей на почту. Кастинги на участие в показах *prêt-à-porter* или *haute couture* для известного дизайнера, на съемку для каталога, на работу в шоу-рум, для съемок в рекламе или на обложку журнала. С запасной парой обуви, целый день без еды, переодеваясь в общественных туалетах, в легкой одежде на противном ледяном дожде или – в замкнутых пространствах, зажавшись в угол, тихо, как мышь, стараясь держаться подальше от клубка ядовитых змей с утонченными чертами лица; а по вечерам возвращаясь в «Королевство Розового Единорога!» с очередным отказом, чтобы слушать шум поездов в одиночестве, лежа в кровати или даже на полу, обнимаясь с Greg Bennett, – таким был ее декабрь.

Иногда в письме отдельно оговаривалась форма одежды: «быть в спортивной одежде» или «облегающей мини-юбке», «обязательно иметь при себе купальник»; или даже «особые требования» – например, ничего не есть накануне кастинга. А это условие было просто невыполнимо для Майи, живущей в кондитерской и страдающей от длительной депрессии.

Она все чаще игнорировала эти замечания – ее смущало, что за три недели непрерывных сумасшедших гонок по кастингам, она так ничего не заработала. Заказчики всегда предпочитали ей более опытных моделей или тех, с кем, как им казалось, будет проще работать: в отличие от Майи, у большинства девушек были толстые портфолио, широкие улыбки и скрытая за этими широкими улыбками готовность вцепиться в глотку, которую они называли «целеустремленностью» или «профессионализмом».

Но было между Майей и этими девушками и кое-что общее, что пугало ее гораздо больше опасности быть однажды облитой кислотой, – большинство моделей были приезжими из таких же маленьких и далеких краев вроде туманного и неподвижного города Майи. Перед кастингами и после кастингов – в давке офисных помещений, где нельзя было продохнуть от оголенных конечностей, – она старалась не слушать, но все же слышала: их телефонные разговоры с родителями, их ложь про учебу в вузе и маленькие стипендии, а еще – разумеется, закатив глаза, вздыхая, – про отсутствие парней; и весь этот говор, от которого должно было сводить челюсть, и все эти манеры, и вся эта раздражающая шумность, смешанная с самоуверенностью, сводила Майю с ума. «Неужели я одна из *них*? – думала Майя, и это волновало ее намного больше собственной невостробованности. – Неужели спустя сотню этих безумных кастингов я стану такой же?»

Однажды в агентство пришел «человек из глянца», он

долго листал буки, пил кофе на красном диване за открытой дверью, и девушки, словно стервятники, столпились в коридоре, толкаясь у щели, чтобы хоть одним глазом на него посмотреть.

– Он точно кого-то выбрал, раз лично пришел в агентство, – бормотала одна, с пережженными волосами.

– С чего ты взяла? – удивилась другая, не вынимавшая жвачки изо рта. – Они постоянно сюда ходят, им за это платят. Посидит часок, посмотрит, допьет свой кофе и пойдет дальше.

«С пережженными волосами» покачала головой.

– Вы видели его ботинки? – спросила третья восхищенно. – Он наверняка из какого-нибудь крутого журнала!

– Дура! – рывкнула ей в ухо та, что с жвачкой. – При чем тут ботинки вообще?

– Ты чего такая нервная? – обиделась третья. – Мама всегда говорила, что о положении мужчины нужно судить по деньгам, угроханным на его ботинки.

– И мамаша твоя, значит, ничем не лучше. – Девушка с жвачкой покачала головой. Она была старше всех остальных. – Иногда такие бомжи заходят – смотреть противно. Все какие-то помятые, в нелепых кроссовках... а потом оказывается, что они на самом деле модные фотографы. Все эти фотографы, художники, дизайнеры – большие они на голову!

– И как же тогда быть? – испуганно спросила первая. – Что, со всеми вести себя одинаково, даже если как бомж вы-

глядит?

– Ты, смотри, только с настоящим бомжом не перепутай! – Девушка со жвачкой провела языком за щекой и рассмеялась.

Майя стояла в дальнем углу коридора и, опустив голову, курила прямо под знаком «не курить». Это была ее первая пачка в жизни: никотин и кофеин – вместо сахара и мохнатых лапок Чучу. В последнее время Майе стали сниться подарки дорогих разодетых докторов из ее детства – красивые, яркие таблетки. Бледно-зеленые капсулы, розовые, рассыпчатые и круглые, с надписями и без надписей, горькие и сладкие на вкус, те, что оставляли приятную пустоту в желудке и мыслях, пустоту, которую не хотелось ничем заполнять. Майя закрывала глаза, выпускала дым и представляла, как разноцветные таблетки распускаются в ее животе и вянут, как цветы. «Кого нужно пырнуть ножом, чтобы мне снова их дали?» – думала она, вспоминая то далекое чувство приятной пустоты, когда, сжимая в руке нож, холодный и изящный, сидела на коленях на кухне в своем громоздком доме на окраине мира, и у нее под ногами медленно растекалась лужица густой красной крови.

Вскоре удача наконец улыбнулась Майе, и в конце декабря, перед самыми праздниками, она получила свою первую работу – на съемках в рекламном ролике малоизвестной марки туалетной воды. Заказчик опаздывал по всем срокам и искал моделей впопыхах. Кастинга не было, девушек вы-

брали по фотографиям на сайте.

К семи часам утра Майя приехала по указанному адресу в высокое, незапоминающееся здание бизнес-центра, собранное из стекла и стальных обручей, которое издали напоминало огромный и нелепый фаллоимитатор, торчащий из земли; поднялась в студию на предпоследнем этаже. Она пришла раньше всех и в ожидании съемочной группы опустилась в мягкое кресло, напоминавшее суфле, перед стеклянным столиком с разложенным сверху нескромным веером из несвежих журналов и фотографий; схватила первый попавшийся журнал и начала механически перелистывать страницы. Вскоре в студии начали собираться и остальные модели – их было около дюжины. Никто не знал, что потребуется делать, где будет проходить съемка; никому не был отправлен сценарий или хотя бы примерный план предстоящей работы. Девушки сидели в абсолютном молчании, боясь пошевелиться в скрипящих от малейшего движения креслах и на широких диванах, избегая взглядов друг друга, борясь с волнением.

Наконец в студии появились: фотограф – он оказался французом, не слишком разговорчивым, высокомерным, маляхольным и хмурым, – визажист, парикмахер, стилист, костюмер и два ассистента – один из которых следил за дисциплиной на съемочной площадке, а другой беспрестанно отвечал на звонки по мобильному телефону. Съемка началась с короткого совещания, на котором обсуждались вари-

анты причесок и одежды. Один из ассистентов, оказавшийся еще и переводчиком, наскоро объяснил сюжет рекламного ролика. Девушки должны были играть ангелов, упавших с неба, не устоявших перед соблазном парня в образе демона, сбрызнувшегося туалетной водой. Сам же парень – начинающий актер, примелькавшийся на вторых ролях в паре сериалов, – опаздывал уже на полтора часа, из-за чего все были на нервах.

В конце концов, одному из ассистентов удалось дозвониться до его агента, который сообщил, что его клиент подъедет только к полудню. Из-за возникших накладок план съемок пришлось менять, и у фотографа случился нервный срыв; его положили на диван. Чтобы зря не терять время, моделей отправили в гримерку, передав в руки парикмахера и визажиста; а оба ассистента были заняты тем, что следили за самочувствием фотографа – лед в его стакане не должен был таять, а расслабляющая музыка – не переставать играть.

На Майю надели белую замшевую рубашку, такую же белую мини-юбку и туфли с двенадцатисантиметровыми каблуками, из-за чего ей, привыкшей ходить в кроссовках, начало казаться, что с каждым сделанным шагом она рискует то ли упасть, то ли взлететь под потолок. «Я могу упасть, – успокаивала себя Майя, – но ни за что не упаду».

Наконец в студию влетел опоздавший актер, которого сразу направили в гримерку, в которой еще переодевались девушки. Макияж пришлось наносить прямо на ходу – необ-

ходимо было успеть отснять материал до раннего зимнего заката. Наконец, когда с подготовкой было покончено, ассистент собрал моделей и повел их за собой. Майя думала, что съемки будут проходить в павильоне, но они поднялись на крышу. Температура была минусовая, шел противный дождь со снегом, но ангелы, как было сказано, не носят пальто, а падают на землю в легких и изящных нарядах. Девушек расставили на самом краю крыши на фоне далекой высотки в промышленной зоне; Майю вывели вперед, потому что она была относительно невысокого роста. Фотограф сделал несколько пробных снимков на «полароид», после чего покачал головой, посоветовался с ассистентом и дал команду поправить девушкам макияж. После этого началась съемка профессиональной камерой.

Silver Nine: Diabolic Impulse, – говорил демон, сверкая глазами и борясь с произношением. – Пламенное объятие зимы в твоём флаконе!

Он подносил прозрачный пузырек к губам и расплывался в страстной улыбке. Со всех сторон к нему сбегались ангелы и прижимались к нему щеками.

– Почувствуй тепло!

После этих слов парень поворачивался к одной из девушек и, уставившись ей в глаза, целовал ее в шею, отчего остальные ангелы начинали драться, сходя с ума от зависти.

Сцену переснимали снова и снова, снова и снова, по бесконечному кругу. То юбка у одного из ангелов задралась

слишком сильно, и приходилось переснимать дубль; то юбка ни у одного из ангелов не задралась вовсе, и это тоже никого не устраивало.

– Silver Nine: Diabolic Impulse! – дрожа от холода, говорил демон, изображавший дьявольскую страсть. – Пламенное объятие зимы в твоём флаконе!

И девушки бежали к нему, и прижимались к нему щекой, заодно прижимались боками друг к другу – все что угодно, лишь бы не чувствовать холод.

– Почувствуй тепло! – Демон улыбался и целовал Майю в шею, слегка касаясь замерзшими пальцами ее подбородка. И оба думали лишь о том, как бы поскорее оказаться дома, под одеялом и с чашкой горячего чая, подальше от порочных страстей и адского морозного ветра.

Silver Nine: Diabolic Impulse – пламенное объятие зимы в твоём флаконе! Почувствуй тепло! Silver Nine: Diabolic Impulse – пламенное объятие зимы в твоём флаконе! Почувствуй тепло!

Тридцать шесть дублей, бесконечно повторяя одни и те же слова, одни и те же движения, отчего вскоре терялся всякий смысл; страстно, но бесчувственно, с одной и той же интонацией, но все с большим раздражением. Актер касался пальцами подбородка Майи, а она сдерживалась, чтобы не поморщиться от холода; опускала глаза и изображала чувственную улыбку, стараясь не стучать зубами. «У него короткие пальцы, – думала Майя. – Он ни за что бы не приручил ту

дикую гитару».

Съемки закончились в пять часов вечера. Моделям заплатили наличными на руки, в замерзшие и покрасневшие руки – тонкие белые конверты. Вернувшись в «Королевство Розового Единорога!», в свою комнату над восклицательным знаком, Майя вскрыла свой конверт – его содержимого едва ли бы хватило на пару изящных коктейлей в «Кроличьей Норе». Майя усмехнулась. «По крайней мере, теперь я знаю, сколько получают ангелы», – подумала она.

3

Затянувшаяся осень, в которую так был влюблен Ник, перегорела и кончилась в середине декабря; погода сорвалась с цепи, температура рухнула ниже нуля и понеслась под откос, словно снежный ком, который уже не в силах был остановиться. Градусник на стене гаража примерз к железной стене, которую Юн и Ник так и не успели обить. Несколько десятков смятых картонных упаковок до сих пор валялись в углу.

Они стали репетировать по ночам три раза в неделю; вместе с этим Юн продолжал играть в переходе, а Ник подыскивал себе новую работу. Первый концерт их группы должен был состояться в подвальном баре «Сансара» на окраине промышленной зоны. Вскоре после того как они выложили свои демозаписи в сеть, с ними связался организатор небольшого фестиваля, который сам играл в группе. Он предложил им получасовой сет. В концерте принимали участие еще пять других исполнителей, но кроме отвратительного звучания между ними не было ничего общего: два поп-рок коллектива, панки, косящие под Ramones, металлисты с женским вокалом и даже один диджей. Все были начинающими и никому не известными музыкантами, поэтому организатор, чтобы оплатить аренду помещения, просил помочь ему с рекламой. Он вручил Юну и Нику листовки, грубо об-

работанные и отпечатанные на обычном струйном принтере. На афише их группа была написана неправильно: «The Transporters».

– И что нам с этим делать? – с улыбкой спросил Юн.

– Расклейте где-нибудь, – говорил бритоголовый организатор с двумя серьгами в левом ухе. – Делайте что угодно, только приведите с собой на концерт хотя бы пятнадцать человек.

– Но ведь мы еще ни разу не выступали, кто на нас пойдет? – сказал Ник. – Мы вряд ли соберем даже столько.

– Зовите общих знакомых, друзей, бабушек, дедушек, дальних родственников...

– Я из другого города, – сказал Юн, качнув головой, – у меня здесь нет знакомых.

– Тогда придется завести. – Организатор развел руками. – Иначе мы не окупимся, и вам самим придется оплачивать пятнадцать билетов, понятно?

Юну и Нику пришлось согласиться на эти условия, потому что других вариантов у них не было. Прежде, когда они отправляли кому-нибудь ссылки на свои песни, им либо не отвечали, либо отказывали в выступлении на разогреве. Это был их единственный шанс «засветиться».

– Мы можем попробовать, нужно же с чего-то начинать? – говорил Ник, сам не слишком уверенный в собственных словах. – В конце концов, мы ничего не теряем, верно?

Терять им действительно было нечего. Когда кончились

деньги, Нику пришлось съехать со съемной квартиры. Последний месяц он перебивался на разовых подработках – с последней его выгнали за то, что он завел «служебный роман». Ник работал клоуном в детской больнице, развлекал детей с раком костного мозга, а по пути обхаживал своего компаньона – студента актерского вуза, проходившего практику.

За неделю до концерта Ник перетащил в гараж свой водяной матрас и сумку с вещами; свободного места почти не осталось, и старый диван пришлось передвинуть к дальней стене.

Когда Юн вернулся после расклейки листовок по окрестным стенам и столбам, в гараже повсюду была раскидана одежда и всякий мусор: куски мятой фольги, бумажные полотенца, испачканные в табаке, словно в запекшейся крови; пахло каким-то экзотическим фруктом. Перед кальяном в одних трусах сидел Ник, бок о бок с неизвестным взломаченным парнем. Они оба уставились в телевизор, повернувшись спиной ко входу, и играли в приставку. Юн вздохнул, стряхнул снег, скинул кеды и бросил в дальний угол моток скотча. От жара натопленной печки и густого дыма было нечем дышать, поэтому Юн оставил железную дверь чуть приоткрытой.

– Как погода? – спросил Ник, даже не повернувшись.

Юн не ответил. На улице закончилась ледяная буря и теперь неприятно моросило ледяным дождем.

– Я весь день лепил эти гребаные афиши, так что завтра твоя очередь, – раздраженно сказал Юн. – Хотя я уже сомневаюсь, что в этом есть хоть какой-то смысл.

Он медленно опустился на пол и взял на руки паука. «Не так я представлял себе жизнь в Мегалополисе», – подумал Юн. Чучу пыталась выбраться из его ладоней, выскользнуть сквозь пальцы, но Юн не позволял ей, превращая побег в игру.

– Не волнуйся, все образуется, – расслабленно проговорил Ник. – Я уже нашел нам одного зрителя.

Парень со взъерошенными волосами, сидевший рядом с ним на матрасе, обернулся и кивнул Юну.

– Я слушал ваши записи, очень неплохо! Обязательно приду на ваш концерт, – сладко проговорил он. И добавил после паузы: – Милая у тебя татуировка, вот тут.

Он провел пальцем по своей левой щеке.

– «Милая»? – хмуро переспросил Юн, подняв на него глаза.

– Он хотел сказать «крутая», – поправил Ник и посмотрел на Юна. – «Крутая» татуировка паука под глазом.

– Это паучиха, девушка без лица из моего сна, – объяснил Юн.

– Ну, разумеется, ты только не заводись. – Ник качнул ему головой, снова наклонился к парню со взъерошенными волосами и прошептал ему на ухо: – Поосторожней со словами, видишь ли, нашего Юна бесит слово «милый».

– Простите, я ведь не знал!

– Расслабься, ты ни в чем не виноват. – с улыбкой успокоил его Ник. – Такие, как ты, мой милый друг, мой Пьеро, и не должны ничего не знать! К чему рассудительность, когда можно выбрать безрассудство?

Юн скривил губы. Ник заметил это и, едва сдерживая подступающий смех, продолжал в том же духе:

– Ты создан для золотых колесниц и шелковых одеяний! Ты словно звук изнеженной арфы, словно *лань с золотыми рогами и медными копытами*, дикая и грациозная, – неестественно приторно шептал Ник, получая удовольствие от того, как медленно багровеет Юн. – Нет, знание тебе не к лицу, мой дорогой!

Парень со взъерошенными волосами, не подозревая о подвохе, улыбнулся Нику в ответ и коснулся его шеи.

– А я не против капли страдания, мой Арлекин, красно-черное трико, пламя на углях...

– Как же вы меня достали, хреновы педерасты! – не выдержав, прохрипел Юн.

Ник засмеялся и рухнул на матрас.

Юн взял с печки зажигалку и вышел покурить на улицу. Он встал под одиноким фонарем и с сигаретой в зубах задумчиво наблюдал, как вдали, над бетонной башней, вьется вертолет-светлячок.

В небо медленно утекал дым. Юн вспомнил историю, которую недавно услышал по радио – об одном безумном ху-

дожнике, который облил себя бензином и выкурил последнюю сигарету на вершине той многоэтажки. Он был известен, как обычно говорят, «в узких кругах»: устраивал выставки в галереях и сквотах, которые непременно привлекали внимание прессы; эпатировал публику, приходя на модные показы с бумажным пакетом на голове – с прорезями для глаз и широкой рваной улыбкой. «Должно быть внутренности той бетонной башни сплошь покрыты его рисунками и письменами, – думал Юн. – Тот художник, он тоже гнался наперегонки со своим тигром, заставлявшим его рисовать. Но что же случилось потом? Неужели он сдался, выдохся, перегорел, положил голову в пасть голодному хищнику и позволил себя съесть? Целый мир лежал у его ног, а он променял его на последнюю сигарету, включил камеру и обратился в пепел! Разве так бывает?».

Земля дрожала – последний поезд спешил из окраины в центр. В гараже с грохотом разбился кальян, послышалось журчание воды – ароматный, мутный ручей – и разочарованные возгласы. Ник схватил первую попавшуюся тряпку – что-то из шмоток растрепанного парня – и принялся тереть пол, несмотря на его протесты. Сквозь щель на улицу потянуло фруктовым ароматом. Крики в гараже, зимняя кома снаружи.

Юн медленно поднял свою руку, с разбитыми костяшками и чудовищными мозолями на пальцах, внимательно рассмотрел ее в тусклом свете фонаря. «Как странно все это, –

вдруг подумал он. – А что, если я на самом деле бездарен? Вдруг я всего лишь один из тех безликих ребят, что должны забить пять получасовых сетов в подвальном клубе и навсегда исчезнуть? Что, если я не единственный – никакой не избранный, отмеченный черным мотыльком, преследуемый вечно голодным, неукротимым тигром?»

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.